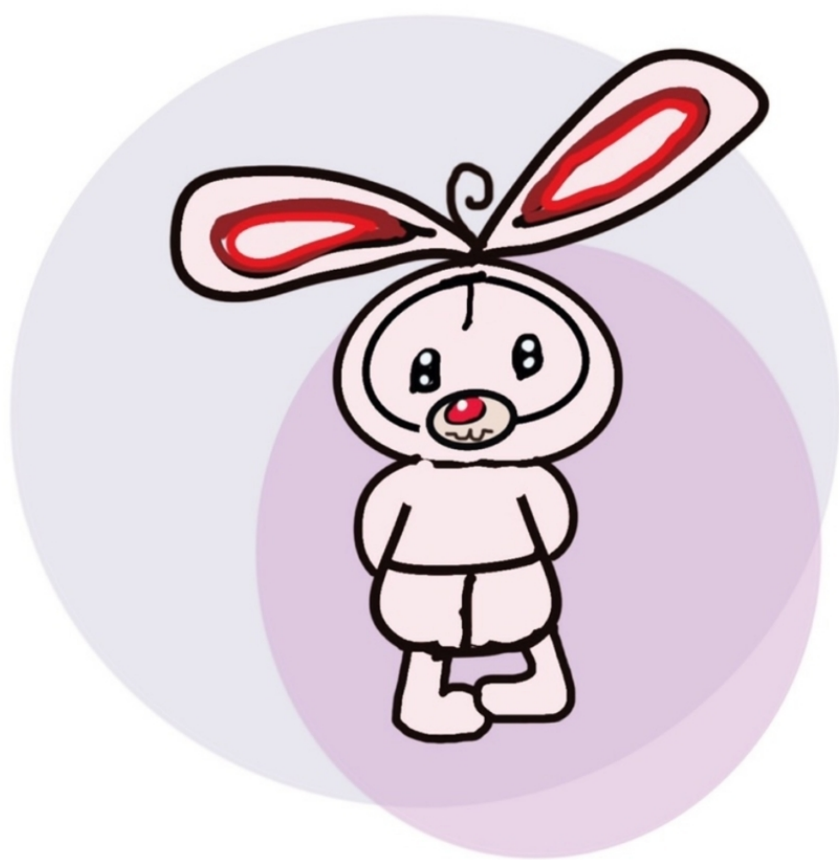

Подарок ко дню
рождения
ироничный детектив

Для чтения в ванне

Софья Кудрявцева

18+

Софья Кудрявцева
Подарок ко дню рождения

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Кудрявцева С.

Подарок ко дню рождения / С. Кудрявцева — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Убийство соседки превращает и без того беспокойную жизнь многодетной Аленки, разрывающейся между работой, тремя детьми и мужем, в настоящий кошмар. Теперь ее еще и в убийстве обвиняют. Не рассчитывая на объективность полиции, Аленка, заручившись поддержкой своих боевых подруг Аськи и Маринки, принимается за расследование загадочного преступления, чтобы сохранить свое честное имя. Кто бы мог подумать, что жизнь скромной старушки окажется полна тайн и загадок, а Аленку начнут преследовать не только призрак покойницы, но и органы опеки, да еще и брак Аленки окажется под угрозой.

© Кудрявцева С., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Содержание

Глава 1. Алёнка	5
Глава 2. Вера Георгиевна	10
Глава 3. У нас тут труп!	14
Глава 4. На следующий день	24
Глава 5. У дяди Давида	29
Глава 6. Валентина Кузьминична	34
Глава 7. Поминки	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Софья Кудрявцева

Подарок ко дню рождения

Глава 1. Алёнка

Алёнка проснулась от настойчивого писка будильника. Часы показывали шесть утра. Все домашние еще крепко спали, будильник в их семье существовал лишь для нее, у остальных была суперспособность его не слышать. За окном осенний мелкий дождь стучал по стеклу, в квартире было по-утреннему зябко и неудобно. Укутавшись в давно отживший свой век, но безумно любимый махровый халат с Винни-Пухом, Алёнка поплелась на кухню. Главное, не смотреть в зеркало, главное, не смотреть в зеркало – иначе весь день будет испорчен.

Она привыкла начинать свой день с крепкого чая со смородиновым листом, выкуривая при этом первую, самую вкусную сигарету. Эти десять минут тишины в спящей квартире, пока еще не закрутил водоворот срочных дел, были только ее, и беда тому, кто посмел в этот момент ее отвлечь.

Вот и сегодня она стояла на балконе, пусть и ставшей за все эти годы практически родной, но тем не менее съемной двушки, и думала. А подумать было о чём. На носу день рождения. И угораздило же ее родиться в ноябре. После двадцати лет и так сложно радоваться очередному году жизни, а когда тебе слегка так за двадцать, это кажется практически невозможным. А уж если на улице еще и конец октября с его вечными дождями, тучами и пронизывающим ветром, о какой радости может идти речь?!

Алёнка курила и пыталась подвести итоги очередного прожитого года. И так, самый главный и волнующий ее вопрос: своего жилья в Москве как не было, так и нет, да и что уж душой кривить, каких-то перспектив приобрести его в ближайшее время тоже. Люди, которые умудрились к тридцати годам покупать себе огромные дома в ближайшем Подмоскowie или квартиры в домах бизнес-класса, кто вы? Ау? Живым укором для нее служили огромные сверкающие огнями высотки напротив ее окна. Вот где жизнь, вот где уровень, о котором она всегда мечтала, но так и не смогла к своим тридцати семи годам приблизиться к нему ни на миллиметр, да и вряд ли уже когда-нибудь приблизится.

И где она не туда свернула? Подавала же большие надежды. С самого первого класса была круглой отличницей. Учеба давалась не то чтобы очень легко, но Алёнка умела и любила учиться. Всевозможные олимпиады и конкурсы, староста класса, всегда и во всем первая. Огромное количество грамот и наград. После школы сумела одна из немногих вырваться из своего маленького городка и поступить в престижный московский вуз. Никто в городе и не сомневался, что она поступит, никто, кроме нее. Но поступила с первой попытки и на бюджет. И лишь она знала, каких нечеловеческих усилий ей это стоило.

Правда она всегда мечтала о карьере актрисы. С самого раннего детства ее манила сцена. Все возможные театральные и танцевальные студии... Всё это ей давалось легко и без каких-либо видимых усилий. Она была словно рождена для сцены. Но жизнь распорядилась иначе. Родители и слышать не хотели ни о какой карьере актрисы. А она была слишком послушной девочкой, чтобы перечить старшим. Поэтому, когда родители сказали: «Поступаем на экономиста!», Алёнка безропотно согласилась.

Может она всё-таки вузом ошиблась, или вечная ее невезучесть сработала, а может быть, просто на роду у нее не было написано стать успешной и богатой, но после окончания института все мечты об успешном будущем понемногу стали улетучиваться. Все попытки устроиться на работу своей мечты заканчивались фразой «извините, вы нам не подходите». То опыта мало, то московская прописка отсутствует, то начальники попадались излишне любвеобильные, и

Алёнке ничего не оставалось, как убежать сверкая пятками. Но она не отчаивалась, работы и трудностей она не боялась, и после долгих скитаний и поисков судьба прибила ее к порогу небольшого банка.

Она с азартом взялась за работу. Всего за какой-то год смогла неплохо подняться по карьерной лестнице, впереди маячили радужные перспективы. На личном фронте тоже всё складывалось удачно. Она по большой любви вышла замуж за своего ровесника.

Еще в детстве родители вложили в голову, что всего в жизни надо добиваться вместе, рука об руку, чтобы потом никто не посмел тебя попрекнуть и назвать приживалкой. Может быть, именно поэтому она никогда и не мечтала найти себе принца голубых кровей, родившегося с золотой ложкой во рту, и отметала таких ухажеров без сожаления, а может быть, просто принцы не те попадались.

Встретив Васю, обычного парня, доброго и заботливого, подающего большие надежды и, как она, мечтающего покорить Москву, она не задумываясь сказала ему «да». Ну и что, что поначалу придется пожить в съемной квартире. Руки-ноги есть, головы светлые, муж вон свое дело открыл, она тоже на хорошем счету, значит заработаем. Знала бы она...

Жизнь текла своим чередом: работа-дом-работа, иногда посиделки с друзьями, которых у Алёнки было огромное количество, поездки на море за границу, всё как у всех.

И вот однажды она попала на прием к докторше, импозантной мадам бальзаковского возраста, которая посмотрев на Алёнку, процедила сквозь зубы:

– Деточка, в вашем возрасте пора бы уже о детях подумать, если вы, вообще, их планируете, а то может стать и поздно. Вот молодежь пошла, одна карьера на уме, а рожать кто за вас должен?

Детей Алёнка ну очень хотела, но всё как-то откладывала на потом, а сейчас после слов врача словно вынырнула из рабочей гонки и посмотрела на свою жизнь со стороны. Пришла домой тихая и задумчивая, как на духу рассказала всё Ваське, который сказал как отрезал:

– Рожаем!

А что, двадцать восемь, часики тикают, наверное, пора. Так на свет появились двойняшки Маруся и Данечка.

«Ничего, – рассуждала Алёнка, – подумаешь два, да даже три года, вернусь, и карьера моя никуда не денется». Но спустя два года на свет появился Сашка. Алёнка с мужем всегда мечтали о большой семье, и когда двойняшки подросли, Василий предложил обзавестись еще одним карапузом. Алёнка недолго думая согласилась, она и сама втянулась в материнство. Тем более дела у Василия пошли в гору, и они уже присмотрели домик в очень уютном строящемся коттеджном поселке в ближайшем Подмосковье и даже внесли большую часть его стоимости. Но тут неожиданно для всех грянул кризис. Строители обанкротились, стройку заморозили, и каких-либо надежд на ее возобновление не было. Контора Василия с большим трудом удержалась на плаву, но дела пошли значительно хуже.

Детей своих Алёнка любила безумно и даже представить себе не могла, что в ее жизни кого-то из них не было бы. Тем временем муж понемногу восстанавливал свою фирму, миллионы она не приносила, но на жизнь хватало, а когда не хватало, приходилось затягивать пояса потуже и ждать, что в следующем месяце всё окупится сторицей.

Алёнка с головой ушла в материнство, продолжая возлагать надежды на мужа. Она искренне верила, что вот еще чуть-чуть и ее Васенька снова поднимется и сможет обеспечить им всем ту жизнь, о которой они мечтали. Надо лишь немного потерпеть и еще немного... и еще.

Но время шло, и всё чаще и чаще Алёнку посещали мысли, что хватит, насиделась, пора бы и к карьере вернуться. Муж был категорически против, но Алёнка понимала, что тяжело ему одному тянуть столько нахлебников. Дети росли не по дням, а по часам, как и их потребности.

После затянувшегося декрета возвращение на работу уже не казалось Алёнке таким простым и безоблачным, но, тем не менее, когда Сашке исполнилось три года, она, послушавшись мужа, вернулась в стены родного банка. О головокружительной карьере уже речи не шло, спустя год она еще вяло отправляла свое резюме на вакансии в банки своей мечты, ни на что особо при этом не рассчитывая. Работодатели, читая о ее достижениях, откликались с огромным удовольствием, но как только узнавали о трех, да еще и недостаточно взрослых детях, все, как один, куда-то испарялись. Оно и понятно, кому нужна многодетная мать после пятилетнего перерыва да с частыми больничными? Но Алёнка продолжала верить в чудо, она твердо знала – не сегодня, так завтра работа ее найдет.

Пока же плыла по течению, а что, в коллективе ее любят и ценят за исполнительность, надежность, ответственность, а еще за отличное чувство юмора и за то, что пекла безумно вкусные торты. Она была душой компании и всегда могла выслушать, посочувствовать, а то и ценный совет дать, если просили, конечно. Что-что, а с людьми она сходилась легко и непринужденно.

Дни проходили за днями, и в размеренной жизни Алёнки ничего не менялось.

Все эти мысли проносились вихрем у нее в голове, пока она докуривала. Алёнка подняла глаза в темное мрачное небо: «Нет? Совсем никаких вариантов? Ну, хотя бы небольшой шанс на маленькую однушечку в Бутово. Ну, может быть, в качестве подарка на день рождения? Пусть хоть премию выпишут, я, честное слово, ее отложу на первоначальный взнос, вот увидишь! Нет так нет, принято».

Алёнка не очень отчетливо представляла себе – с кем она так общалась. Нельзя было назвать ее неверующей, она и в церковь ходила, и молитвы некоторые знала, но с каждым годом верила почему-то всё меньше и меньше. Во что она верила твёрдо, это в чудеса, вот верила и всё тут. Никакие рациональные доводы не работали, и даже тот факт, что чудес с ней в жизни никогда не случалось, ни капли ее не смущал, поэтому она по инерции продолжала вести диалоги с небом, смутно представляя, с кем на самом деле она общается.

Всё, десять минут тишины закончились, в бой! Она пошла умываться и чистить зубы. После чая с сигаретой уже не так страшно на себя смотреть в зеркало. Ну, что оно нам сегодня покажет? Вдруг за ночь я стала двадцатипятилетней платиновой блондинкой с белоснежными зубами и кожей младенца? Конечно, никакого чуда не случилось. Из зеркала на нее всё также смотрела слегка помятая после ночи Алёнка. Ее нельзя было назвать красавицей в полном смысле этого слова. Но что-то в ней было. По молодости Алёнка вскружила голову не одному парню, да и сейчас, если она выходила куда-то «при параде», нет-нет да ловила на себе заинтересованные мужские взгляды.

Алёнка была невысокого роста, всего-то метр шестьдесят два сантиметра. Она никогда не обладала пышной грудью и ногами от ушей. Ее гордостью всегда была осиная талия, которая после рождения детей слегка расплылась, но если сбросить пару-тройку килограммов, всё еще могла называться пусть и не осинкой, но талией точно. Она прекрасно знала все свои недостатки: где надо похудеть, где подкачать, знала и... жила с этим дальше, обещая себе каждое воскресенье, что в понедельник точно пойдет в спортзал. Обещала и искренне верила.

Волосы – это еще один предмет ее гордости. Когда-то это была золотая копна до пояса, но со временем от копны остался пучок, приличный такой пучок натурального русого цвета. Спасибо за это любимому парикмахеру, а по совместительству соседу, который не жалея сил бился над ее непослушной и рано поседевшей гривой, придавая ей натуральный цвет и природный блеск. Но вот придать им покорность не смог даже он, поэтому просто зажмурился, когда видел ее с ежедневным хвостиком.

На этом можно и закончить, больше ничего примечательного в ней и не было, глаза карие, две штуки, посажены немного глубже, чем стоило бы, с сеточкой морщинок под ними. Ох уж эти морщинки... Но куда без них? Тем более что Алёнка очень любила смеяться громко

и залиvisto, да и вообще была очень эмоциональной особой, никогда не умела скрывать то, что думает, всё было на лице написано. Ну и как, скажите, при таком темпераменте дожить до тридцати семи без морщин? Нос одна штука – слегка крупноват для ее лица, но ровный обычный нос. Губы тоже имелись – обычные среднестатистические, не накаченные. Алёнка вообще была за натуральность во всех ее проявлениях.

Поэтому ей было особенно приятно видеть искреннее удивление собеседника, когда она говорила, что ей тридцать семь. Мало кто мог дать ей ее возраст, даже иногда паспорт спрашивали в магазине. И контрольным выстрелом в голову нового знакомого было, когда она говорила – сколько у нее детей, что уж греха таить, нравилась такая реакция Алёнке, всё это ей льстило. Но при этом она умела объективно себя оценивать.

– Ну что, – подмигнула она своему отражению, – ты, мать, пусть и помятая, но еще огого! Итак, что у нас на повестке дня?

Первое – идем будить Маруську, она дольше всех копается. Потом бежим на кухню печь блины, мальчишки вчера заказали на завтрак. Не забыть проверить рюкзаки старших, а то знаю я их, напихали кучу ненужных учебников и игрушек, а тетради и дневники забыли, а я вчера так громко и долго кричала, добиваясь ровных букв и правильно решенных примеров, будет жалко потраченного впустую голоса.

Потом заплетаем Маруську: «Что опять не та прическа? А какая? Уф... я так не умею, ну да ладно. Давай, тащи резинки, нет? Банты? Хорошо, пусть будут банты. Даня, ты вчера порвал очередные брюки? А почему не сказал, а повесил на вешалку? Забыл? Отлично! Им три дня всего, хорошо, идешь в джинсах, не налезают? Так правильно, это Сашкины».

Упс, кажется, блин горит...

Почему-то опять начал дергаться правый глаз... наверное, к дождю.

На кухню вышел заспанный муж, сонно чмокнул в щёку, погладил чуть ниже спины и игриво попросил сегодня сильно не уставать, так как у него вечером на меня планы. Алёнке хотелось треснуть его лопаточкой, которой она переворачивала блины, и закричать прямо в ухо, чтобы точно услышал: «Ага, посмотрела бы я на тебя, если бы ты сначала всех разбудил, собрал, накормил, отвел Сашку в сад, сбегал в магазин, приготовил обед, ужин, забрал детей из школы, накормил, напоил, выучил уроки, убрал, постирал... какой бы ты был игривый к вечеру! И восьмичасовой рабочий день при этом никто не отменял, между прочим, и неважно, что я на удаленке, неизвестно, что сложнее!» Но посмотрев на его по-детски наивную, улыбающуюся физиономию и сияющие глаза, и как он только умудрился до сих пор сохранить их сияющими, она выдавила свою самую, как ей казалось, соблазнительную улыбку, и томно прикрыла глаза. Со стороны это выглядело, как будто она пытается в уме перемножить трехзначные цифры, и система дала сбой в виде нервного тика, но муж не оценил ее старания и уже сбежал в ванну.

«Чёрт, придется ноги брить и голову помыть не помешало бы... а я гладить вечером планировала, даже бутылку шампанского в холодильник поставила». Алёнка терпеть не могла гладить и соглашалась на этот подвиг лишь при наличии шампанского и очередного захватывающего сериала, где бравый детектив ищет коварного преступника, сезона так три-четыре, параллельно влюбляя в себя всех особей женского пола, попадающих в кадр. Ну или про медицину, про медицину Алёнка тоже страсть как любила. В детстве она мечтала стать врачом, но когда выяснилось, что врачи, падающие в обморок при виде крови, нашей медицине не очень нужны, пришлось мечтать о другой профессии, а лечить лишь домашних или животных. Благо и тех и других у нее было в избытке.

Отправив мужа со старшими в школу, Алёнка с Сашкой начали собираться в садик. С момента изоляции из-за страшного и неизведанного вируса, Алёнка работала из дома. И теперь вместо сумасшедшей утренней гонки до сада, а потом бодрой пробежки рысцой на каблуках до метро, чтобы не дай бог не опоздать на работу, добираться до которой ей надо было на другой

конец Москвы, она могла себе позволить неспешные прогулки за ручку с Сашкой до сада и по-детски серьезные беседы. За эти пять-семь минут она узнавала кучу важной и полезной информации, что Юля умеет ходить на цыпочках, но никто лучше него не ходит по бордюрам, что кепку надо носить только на бок и никак иначе, и вообще, будь тут рядом цветы, он бы обязательно их нарвал и подарил бы маме.

Но все разговоры Сашки всегда сводились к его основной и самой заветной мечте – «Гелендвагену». Почему именно эта машина, а не какая-то другая, науке доподлинно неизвестно. Но при виде автомобиля Сашка даже дышать забывал. Вот и сейчас очередной сосед на шикарной Сашкиной мечте серого цвета промчался мимо, окатив их с Алёнкой водой из лужи.

– Мама, когда я куплю себе такую машину, я никогда не буду брызгаться и обязательно буду тебя на ней возить, например, на рынок за картошкой, – степенно изрек Сашка.

– Да, милый, именно на рынок за картошкой на таких машинах и катаются, – засмеялась Алёнка.

– Мам, ну ты же будешь уже старенькая, куда ж еще тебя возить? – искренне удивился малыш.

«Чёрт-чёрт-чёрт, и ты туда же!» – ругнулась про себя Алёнка, но увидев удивленную детскую мордашку, не сдержалась, заливисто захохотала и чмокнула Сашку в щеку.

Глава 2. Вера Георгиевна

Отведя младшего в сад и забежав в магазин за хлебом, Алёнка возвращалась домой с тремя огромными пакетами. В подъезде она с ужасом обнаружила, что лифт не работает. Проклиная про себя местный ЖЭК, а также свою хозяйственность, она поплелась на лестницу.

Вот кто просил покупать муку про запас? Старая еще не совсем кончилась. Но ей в магазине пришла в голову гениальная идея, а почему бы не испечь пирогов? Дома лежит полкочана капусты и из него срочно надо сделать пироги, иначе пропадет. А еще яблоки красные, они так вкусно пахли и так аппетитно выглядели, что она набрала целых два килограмма, и это еще не считая яиц, молока и прочего, чего вдруг срочно захотелось в магазине. А что делать? Семья большая и поесть любят все без исключения. Вот теперь и мучайся, и тащи всё это на семнадцатый этаж по лестнице.

Ну и ладно, она давно хотела заняться спортом.

Этаже на девятом Алёнка уже твердо решила бросить курить, а на двенадцатом решила выкурить последнюю перед смертью сигарету, заодно проверить телефон, что там ей за утро написали.

В школьном чате мамочки с шести утра обсуждали выбор канцелярских принадлежностей и за два часа уже дошли до выбора пластилина. Оказывается, ни в коем случае нельзя брать обычный пластилин за сто двадцать рублей, он не экологически-чистый, да и не той твердости, а это плохо сказывается на мелкой моторике и здоровье детей, поэтому выбирать надо тот, который за девятьсот, а те, кто экономят на развитии детей, беспросветные дуры.

У Алёнки опять задергался глаз. Ей хотелось написать им всем: «Бабы, откуда у вас столько времени?!», но она сдержалась и с надеждой открыла чат Сашкиной группы, но там тоже всё было непросто. Мамочки ругались из-за несправедливого распределения ролей на утренник, посвященный дню осени. У тыквы было слишком мало слов, а роль рассказчика отдали почему-то тихой и забитой Арине, против которой никто ничего не имеет, но вот Варвара бы справилась лучше. А еще обсуждали поделки, выкладывая шедевры, которые сделали их пятилетки.

– Твою мать, про поделку-то я забыла, – присвистнула Алёнка.

Ну вот, бритье ног отменяется, и глажка с шампанским подождут, буду до ночи делать осеннюю шляпу. Надо мужу сказать, чтобы набрал каких-нибудь листьев и желудей по дороге. Знать не знаю, где он их нарост, кто, в конце концов, добытчик, вот пусть и добывает, а завтра выставлю в общий чат, и подпишу: «Сашенька всё сам сделал! От и до! Моя гордость!».

Поднимаясь дальше по лестнице с пакетами в одной руке и с телефоном в другой, изучая варианты поделок, Алёнка не сразу обратила внимание, что уже два этажа поднимается в полной темноте. В их доме лестницей пользовались крайне редко, она предназначалась исключительно для экстренных случаев, таких как пожар, видимо, поэтому окна тут были не предусмотрены, а освещением служили лишь тусклые светильники, по одному на лестничную клетку, которые к тому же систематически перегорали. Алёнка включила на телефоне фонарик и осветила стену, пытаясь понять, на каком этаже она сейчас находится.

Отлично! Почти дошла, всего один пролёт и она дома. И тут краем глаза она отметила какое-то движение, сверху навстречу ей спускалась огромная фигура в чём-то бесформенном и с капюшоном на голове. Алёнка навела на нее фонарик, фигура от неожиданности на мгновение остановилась, инстинктивно прикрыв лицо рукой, а затем с неожиданной для таких размеров прытью бросилась вниз, по пути задев Алёнку и едва, не опрокинув ее с лестницы. «Сумасшедший какой-то», – подумала Алёнка, переводя дух от испуга. Еще и пакет чем-то зацепил, вон все яблоки мои рассыпались.

К глазам предательски начали подступать слёзы, а в носу противно защипало. Она была не из неженек, которые плачут по любому поводу, но не перед днем рождения, только не сейчас. В это время она превращалась в легкоранимую кисейную барышню, которую до слёз могло довести всё что угодно, особенно незаслуженные грубость и хамство. Отставив в сторону уцелевшие пакеты с продуктами, она начала ползать по всему лестничному пролёту шестнадцатого этажа, подсвечивая себе фонариком, и собирать уже не казавшиеся ей такими аппетитными яблоки. При этом она ругалась такими словами, которые уважаемой всеми многолетней матери и знать-то не положено, не то что произносить вслух.

Когда со злополучными яблоками было покончено, Алёнка подумала, что что-то в фигуре мужчины ее насторожило, была в ней какая-то неправильность. И собственно говоря, с чего вдруг она решила, что это был мужчина? Ни лица, ни фигуры как следует она не разглядела, но тут от размышлений ее отвлекло сообщение еще одной мамочки, написавшей очередную несусветную глупость, на которую заведенная Алёнка не могла не ответить уничтожающей остротой.

Поднявшись наконец к себе на семнадцатый этаж, Алёнка уже предвкушала, как слопает запретную конфету, дабы поднять себе настроение, как вдруг в ноги ей с заливыстым лаем бросился белоснежный шарик. От испуга она чуть снова не рассыпала уже ставшие ненавистными яблоки, но вовремя сообразила, что это Тимоха, соседский шпиц. Несмотря на свою впечатляющую родословную и заслуженных родителей, хозяйка собаки Вера Георгиевна – Алёнкина соседка дала ему абсолютно приземленное и какое-то простецкое имя, которое ему безумно шло.

– Тимоша, ну чего ты ругаешься? Может, вкусенького чего хочешь? А где же твоя хозяйка? – пыталась успокоить Алёнка заходившегося лаем шпица.

Странно, Вера Георгиевна никогда не выпускала его одного.

– Сейчас-сейчас, я только сумки домой занесу и отведу тебя к хозяйке.

Алёнка подошла к своей двери и заметила, что соседская дверь приоткрыта, поэтому на темную лестничную клетку пробивается узкая полоска света. Странно, очень не похоже на соседку.

Вера Георгиевна была очаровательной старушкой восьмидесяти семи лет, этакий божий одуванчик. Даже прическа у нее была под стать, белое облако редких, тщательно уложенных волос. Она была маленькой и хрупкой с ясными, несмотря на возраст, пронзительно-голубыми глазами, греческим профилем и идеальной осанкой. Разговаривала она всегда полупшепотом, Алёнка никогда не слышала, чтобы она повышала голос, даже тогда, когда ее банда приходила к ней в гости, что случалось очень часто, дети безумно любили Веру Георгиевну. В ее присутствии, Алёнкины вечно спорящие, кричащие и дерущиеся чертята превращались в кротких овечек, которые того и гляди начали бы говорить по-французски и расшаркиваться в реверансах.

Алёнка очень полюбила соседку, которая жила совсем одна. Где-то там у нее были какие-то дальние родственники, но про них Вера Георгиевна практически никогда не рассказывала, лишь пару раз обмолвилась о сестре, но потом быстро сменила тему разговора, и Алёнка поняла, что обсуждать это не стоит. Она со всей своей кипучей энергией взяла над соседкой шефство. Угощала вкусными пирогами, бегала в магазин и аптеку, научилась ставить уколы.

Так они и жили, Алёнка старалась облегчить и как-то украсить жизнь своему одуванчику, как она за глаза называла Веру Георгиевну, а та помогала ей воспитывать ее «бандитов», прививала им любовь к чтению и живописи, помогала с уроками, когда у Алёнки был очередной цейтнот на работе, обучала хорошим манерам, насколько это вообще возможно обучить хорошим манерам трех маленьких монстриков.

Алёнка и сама часто, разложив детей по кроватям и оставив мужа за старшего, забегала к соседке на чай или на рюмочку коньяка, который очень уважала Вера Георгиевна, да или

просто покурить. Соседка, несмотря на свой возраст, курила часто и много, причем исключительно вишневый табак и только через мундштук.

Мундштук у Веры Георгиевны был особенный. Длинная черная эбонитовая втулка с вкраплением мелких стразов заканчивалась наконечником из слоновой кости, на котором была вырезана фигурка сокола. Сокол был, как живой, будто готовый в любой момент взмахнуть своими могучими сильными крыльями и взлететь. Рука искусного мастера сумела проработать каждое перышко, каждую мелкую деталь, изобразить поворотом головы и взглядом достоинство и сильный характер гордой птицы.

Когда Алёнка увидела эту красоту впервые, в ней проснулась сорока, даже ладошки вспотели, страсть как захотелось себе такую же волшебную штучковину. Но сколько она ни выпытывала у Веры Георгиевны, где та раздобыла такую красоту, соседка лишь отшучивалась и не раскрывала тайну мундштука.

Соседка вообще очень мало рассказывала о себе, хотя нет, не так. Рассказывать рассказывала и о том, что была большой шишкой в Министерстве культуры, и про послевоенную юность, и про счастливое детство в деревне. Но никаких конкретных фактов никогда не упоминала. Алёнка знала лишь, что соседка была один раз замужем, но овдовела. Детей у них не было, и на память от мужа, тоже по тем временам известной личности в Министерстве культуры, ей досталась шикарная четырехкомнатная квартира, которую они поменяли на две двухкомнатные в этом доме, объединенные в одну, под завязку напичканную антиквариатом.

Но все эти секреты не мешали им дружить и тепло относиться друг к другу.

Однажды Маруся заявила, что хочет шпица. А раз Маруся чего-то хочет, она из всех души вынет, но своего добьется. На протяжении месяца она ходила за родителями хвостом и рассказывала взахлеб, какие шпицы замечательные. Как она будет за ним ухаживать, и словом, пусть ее испытают на прочность, она готова на всё, только чтобы у нее была собака. Надо сказать, что таким способом она выклянчила себе бурундука.

Когда Маруся впервые приспичило завести себе зверушку, Алёнка поставила ей условие, что если она всё лето в деревне у бабушки будет ухаживать за кошкой, курами и дворовой собакой, то так и быть родители разрешат завести животинку. Маруся девочка упертая, поэтому всё лето она вставала в семь утра, чтобы покормить и выпустить кур, потом кормила и выгуливала собаку, наливала молока в миску домашней трусливой кошке, и даже горшок ей чистила, рвала траву курам, собирала яйца, одним словом, развила кипучую деятельность.

В конце лета, Алёнке ничего не оставалось, как смириться с поражением. А что, никто за язык не тянул, за свои слова отвечать надо.

Но в этот раз такой номер не пройдет. Алёнка и сама всегда мечтала о собаке, но она даже боялась заикнуться об этом хозяину квартиры. Он и так был очень терпеливым арендодателем, терпел трех ее детей, кошку Плюху и бурундука Лимона. Если бы Алёнка завела собаку, доброе сердце хозяина точно не выдержало такого непочтительного отношения к его собственности, и скорее всего, им всем семейством пришлось в срочном порядке ретироваться куда-нибудь, желательно, подальше.

В одно воскресное зимнее утро на пороге их квартиры появилась Вера Георгиевна со спицем на руках. Она рассказала что, оказывается, очень давно хотела собаку, а тут ее знакомая совершенно неожиданно подарила ей на Новый год щенка. Но она очень надеется, что Маруся будет ей помогать ухаживать за ним, так как одной ей не справиться. Стоит ли говорить, что в этот же день, Маруся практически переехала к соседке.

И вот вдруг ни с того ни с сего Тимоха бегал по лестничной клетке, а дверь к соседке оказалась не запертой. Алёнка точно помнила, что когда уходила с Сашкой в сад, на лестничной клетке царили мир и покой, она еще подумала забежать к ней и узнать, не надо ли чего в магазине. Но в последний момент передумала. Не хотелось будить старушку, Вера Георгиевна никогда не вставала так рано, она, как и Алёнка, была совой, и утром предпочитала поспать

часиков до десяти-то точно. Правда вчера утром соседка просила ее забежать на чай, как сможет, она хотела о чём-то поговорить. Но Алёнка закончила работать лишь ближе к десяти вечера. Она постучала к соседке, но та не открыла, и Алёнка подумала, что Вера Георгиевна уже легла спать, и не стала ее беспокоить.

У Алёнки противно засосало под ложечкой, предчувствие чего-то страшного закопошилось где-то глубоко внутри. Бросив пакеты около своей двери, и подхватив шпичку под мышку, она почему-то на цыпочках начала красться к соседской двери.

– Вера Георгиевна, я тут нашего Тимоху нашла! – осипшим голосом позвала Алёнка.

Ответа не было.

«Может быть, она в ванной или спит? – успокаивала себя Алёнка – Ну да наверняка просто вчера забыла дверь запереть, а Тимоха утром проснулся и выбежал, она спит и не подозревает даже, что он диверсию такую учинил. Вот сейчас посмеемся, обязательно подшучу над ней, что в ее юном возрасте до склероза еще далеко».

Алёнка вошла в просторный коридор. В нос ударил непривычно-резкий запах чего-то чужеродного, того, чему здесь не место. В квартире соседки всегда пахло вишневым табаком и любимыми Верой Георгиевной духами Climat, но сегодня к уже такому знакомому и родному запаху примешался какой-то посторонний, то ли бензина, то ли солярки, который Алёнка никак не могла вспомнить.

Справа от входной двери располагалась ванная с туалетом. Алёнка постучалась, и, не дождавшись ответа заглянула. Соседки там не было. В конце прихожей находилась кухня, объединенная с гостиной. Там царил присущий хозяйке квартиры идеальный порядок. На большом круглом столе, накрытом кружевной белоснежной скатертью, стояла пустая хрустальная пепельница в форме черепахи на больших толстых лапах.

«Значит, старушка еще не просыпалась, иначе бы в пепельнице уже были окурки», – мимоходом подумала Алёнка. На стене мерно тикали бронзовые часы, цвели орхидеи на подоконнике, всё было, как всегда, вот только не было Веры Георгиевны.

Слева от кухни был еще один небольшой коридор, по стенам которого друг напротив друга располагались двери в остальные комнаты. Самая первая дверь вела в спальню хозяйки, туда-то Алёнка и направилась, поглаживая притихшего подмышкой Тимоху.

– Верочка Георг... – договорить она не успела.

Заглянув в спальню, Алёнка от страха закрыла рот рукой, пытаясь не завизжать, а потом в глазах у нее всё потемнело, закружились белые мушки, и она без чувств сползла по стене, а может быть, и шлепнулась с размаху на пол, этого она уже не помнила.

Глава 3. У нас тут труп!

Когда сознание начало потихоньку возвращаться, Алёнка почувствовала, что ее лицо и уши кто-то облизывает. Приоткрыв один глаз, она с изумлением поняла, что лежит на полу не своей квартиры, а на груди у нее сидит Тимоха и самозабвенно лижет ей лицо. После обморока Алёнка всегда очень долго не могла прийти в себя. Ноги и руки были ватные, в ушах звенело, во рту был горьковато-кислый привкус.

– С чего это я тут разлеглась, давненько меня так не выключало! – пробормотала Алёнка.

И тут она повернула голову и увидела то, воспоминания о чём она старательно отгоняла.

На полу в спальне, возле своей кровати, на животе, широко раскинув руки, лежала Вера Георгиевна. Ее белоснежная накрахмаленная ночная сорочка задралась, оголив мертвенно-синие с сеточкой голубых вен ноги. Вокруг головы расплылась безобразная красная лужа.

Алёнка набрала побольше воздуха, как будто готовясь нырнуть, и заверещала что было сил.

Тимоха залаял в унисон с ее воплем, этот звук немного привел Алёнку в чувство. В голове наконец-то появилась мысль, надо проверить пульс, а вдруг она живая! Ну пусть будет живая! Пожалуйста! Она на карачках подползла к Вере Георгиевне, пытаясь вспомнить, как там в фильмах пульс проверяют.

– Так, кладем указательный и безымянный пальцы между горлом и большой мышцей на шее, говорила же, не зря я всё эти сериалы смотрю. Ну же, давай, нащупывайся! Еще бы вспомнить, как делать искусственное дыхание!

Алёнка, рыдая в голос и причитая, всё еще пыталась нащупать пульс, стоя на коленях около тела Веры Георгиевны, Тимоха с бешеным лаем носился вокруг – именно такую картину застал влетевший в комнату Денис – еще один сосед по этажу, а по совместительству друг и парикмахер.

Глядя на его лицо, Алёнка подумала, что этот тоже сейчас отключится, и она рявкнула:

– Вызывай скорую и ментов, живо. У нас тут труп!

Она сама не ожидала от себя такой решительности, но на Дениску ее команда и уверенность подействовала должным образом. Он передумал падать в обморок и судорожно начал тыкать в телефон трясушимися пальцами.

– Ой, надо Васеньке позвонить. Он точно знает, что дальше делать, – воскликнула Алёнка.

Алёнка набрала номер мужа:

– Да, малыш, – бодро ответил муж.

– Ваааааа, у... одуванчик... она... а я... а она... милиция... аааааааа! – услышав в трубке родной голос, Алёнка растеряла все остатки самообладания и могла только выть и всхлипывать.

– Ты дома?

– Угу, – продолжала всхлипывать Алёнка.

– Буду через тридцать минут, – решительно ответил Вася и отключился.

Вот за что она его любила, так за то, что в сложных ситуациях она всегда могла на него рассчитывать.

Приехавшая через пятнадцать минут скорая констатировала смерть. Алёнка с Денисом стояли на лестничной клетке и были похожи на неприкаянных подростков-переростков.

– Вы кем приходитеесь умершей? – спросил уставший фельдшер Алёнку.

– Соседка, – пискнула Алёнка.

– Вы труп нашли?

– Угу, – губы Алёнки предательски затряслись, она была на грани истерики.
– Сейчас менты приедут, не уходите никуда. Заставят показания давать. Да, дела, поубивал бы всех этих нелюдей!

– Вы о чём? – удивилась Алёнка и перестала плакать.

– Ну я за двадцать лет работы, точно могу сказать, где естественная смерть, а где...

– А где что? – перебила испуганно Алёнка и даже икнула пару раз от неожиданности. – Вы думаете ее... того... убили?

– Нет, ну может, конечно, она сама так неудачно упала, но это вряд ли, помогли ей. Да уберите же уже, в конце концов, эту психованную псину! – взвыл фельдшер, потому что Тимоха с диким лаем носился вокруг врачей, крутившихся рядом с телом его хозяйки, и норовил каждого укусить за штанину.

Алёнка подхватила собачку и отнесла к себе.

– Бедненький, мне же даже покормить тебя нечем, ты же наверняка с самого утра ничего не ел.

Она вернулась в соседскую квартиру, прошмыгнула мимо спящих туда-сюда врачей на кухню, нашла в холодильнике собачьи консервы, заодно подхватила миски, которые стояли там же около холодильника. Вернувшись с добычей домой, она примостила миски Тимохи рядом с Плюхиными и начала открывать баночку с кормом. Руки не слушались и предательски тряслись. На глазах опять начали выступать слёзы.

– Вот, я тебе горшок принес, – в дверях ее кухни появился Денис.

– Зачем мне горшок? У нас есть, после Сашки еще не выкинули, и вообще, я уже давно унитазом пользуюсь, – опешила Алёнка.

– Собачий горшок, балда, и наполнитель, там в коридоре стоял мешок огромный, я решил еще и его заодно захватить, – ответил Денис, – а то сейчас менты понаедут, место преступления оцепят, вряд ли чего вынести получится, а вам это всё, судя по всему, понадобится. Он же у тебя теперь останется?

Только сейчас Алёнка заметила, что в одной руке Денис держал собачий темно-синий лоток, а в другой – большой пакет с наполнителем.

– Ты, я смотрю, тоже детективов пересмотрел, «место преступления», «оцепят», понахватался, – беззлобно поддела Алёнка. – И правда, куда же теперь я Тимоху-то дену?

От грустных мыслей ее отвлек дверной звонок. Открыв дверь, Алёнка увидела на пороге молодого парня лет двадцати трех-двадцати шести в полицейской форме. Из воротника рубашки торчала тонкая по-детски беззащитная шея. Да и вся форма, казалось, ему велика, как минимум размера на два. На совсем невыразительном, каком-то блеклом лице лихорадочно блестели маленькие красные глазки.

«Пил что ли всю ночь?» – подумала Алёнка.

Его лицо при всём при том было вызывающе-надменным.

– Младший оперуполномоченный Спиркин Константин Петрович, – представился пацан таким тоном, как будто он был целым полковником. – Ваша фамилия?

– Моя? – переспросила Алёнка.

– Ваша-ваша.

– Воронова Алёна Владимировна.

– Это вы нашли труп?

– Я.

– Кем вы приходитеесь погибшей?

– Соседки мы... были... – всхлипывая, прошептала Алёнка.

Слово «погибшая» больно резануло Алёнку, и на глазах снова выступили предательские слёзы.

– Назовите дату своего рождения, адрес проживания и место работы, – как по написанному выдал опер.

– Ой... я совсем забыла на работе предупредить! – опомнилась Алёнка.

– Не отвлекайтесь, гражданочка, все разговоры потом!

– Слово-то какое выкопал – «гражданочка»... мы что в тридцать седьмой год попали? – проворчала Алёнка.

Спиркин густо покраснел.

– Мне протокол оформить надо, а вы тут...

– Ладно, Бог с тобой, давай оформлять, но если меня уволят, кормить моих детей ты будешь, – устало согласилась девушка.

– А их много? – почему-то уточнил Спиркин, как будто он и впрямь собирался кормить Алёнкиных отпрысков.

– Трое, – на автомате гордо ответила Алёнка.

– Кх-кх-кх... не отвлекайтесь. Отвечайте на поставленный вопрос.

Алёнку царапнуло, что не последовало привычной реакции вроде той – «как у такой молодой девушки и уже трое детей, никогда бы не подумал», но она попыталась сконцентрироваться на главном.

– Дата рождения 9 ноября 1982 года.

Эта информация почему-то тоже никак не подействовала на противного полицейского.

– Проживаю по этому же адресу, только квартира 548. Работаю в «Трансадмиралбанке».

– Хорошо, так и запишем. Почему вы с утра пришли к погибшей?

Алёнка, еле сдерживаясь чтобы снова не разрыдаться, рассказала все свои утренние приключения, не забыв упомянуть и про тёмную фигуру на лестнице.

– А это кто? – ткнул пальцем Спиркин в маячившего за спиной Алёнки Дениса. – Муж ваш?

– Нет, это тоже сосед.

– А что он у вас в квартире делает?

– Он нас с Верой Георгиевной нашел и вас всех вызвал, – ответила за Дениса Алёнка.

– Ваши данные и показания мне тоже нужны.

Когда Спиркин закончил старательно записывать показания Дениски, он снова обернулся к Алёнке.

– Пройдемте на место преступления.

– Зачем? – растерялась она, возвращаться в квартиру ей вовсе не хотелось.

– Ну как... положено, – стушевался опер.

– Кем?

– Кем надо, тем и положено, – огрызнулся Спиркин.

– Не положено, а покладено, не покладено, а зарыто, – на автомате выпалила Алёнка.

– Чего? – вытаращил свои пороссячьи глазки Спиркин.

– Эх вы, классику не знаете, младший оперуполномоченный. Ну пошли, – сказала Алёнка, а про себя подумала, что пора завязывать с мультиками.

Они вошли в квартиру Веры Георгиевны. Тело уже вынесли, но Алёнка всё равно помнила всё до мельчайших деталей и готова была в любой момент разреветься. Денис следовал за ней по пятам.

– Посмотрите внимательно, в квартире потерпевшей ничего не пропало? – с важным видом спросил Спиркин.

Алёнка начала бродить по квартире. С момента ее утреннего пребывания тут на кухне и в гостиной ничего не изменилось. Она, еле сдерживая подступавшую к горлу тошноту, заглянула в спальню Веры Георгиевны... Труп вынесли, но на ковре около кровати было отвратительное пятно. От запаха крови Алёнку замутило, но она старалась не смотреть вниз, а лишь рассмат-

ривала обстановку в комнате. Не заметив ничего подозрительного, она прошла в следующую комнату, служившую Вере Георгиевне кабинетом. Открыв дверь, она застыла на месте. В комнате всё было перевернуто вверх дном.

Гордостью соседки была огромная библиотека. Три из четырех стен кабинета от пола до потолка были закрыты стеллажами с книгами. Здесь были редчайшие собрания сочинений и даже книги с автографами авторов, которых уже давным-давно не было в живых.

Сейчас большая часть книг валялась на полу. Кто-то явно в спешке пытался что-то найти, многие издания были зверски распотрошены. У третьей стены напротив окна стоял хозяйский стол, за которым Вера Георгиевна частенько читала, уютно устроившись в обитом бархатом кресле, а в последнее время всё чаще и чаще с помощью Алёнки училась азам работы на ноутбуке, который семейство Вороновых подарило ей на прошлый Новый год. Сейчас же стул был опрокинут, а ящики стола раскурочены чьей-то безжалостной рукой. Алёнка, которая с огромным трудом взяла в себя в руки, увидев весь этот бардак, опять начала тихонько подвывать.

– Итак? Можете сказать, что тут пропало? – спросил Спиркин.

– Вы издеваетесь, что ли? Тут черт ногу сломит, как я пойму, чего именно не хватает? – выпалила Алёнка, решив вместо истерики спустить всю злость на несчастного Спиркина.

– Вы внимательно посмотрите.

– Точно... ноутбука нет, – сообразила Алёнка, – а еще в столе была шкатулка, маленькая такая, ничем не примечательная.

– С драгоценностями? – оживился рядовой следователь.

– Нет, там письма были и фотографии, ничего ценного вроде бы.

– Уточните, какие письма?

– Я не знаю, лишь один раз ее и видела, а когда спросила у Веры Георгиевны, чьи она письма хранит, та отшутилась про старую любовь и сменила тему.

– А где фигурка пилигрима? – подал голос Денис, который выглядывал из-за Алёнкиного плеча. – Она же раньше на столе стояла!

– И правда, – поддакнула Алёнка, – была фигурка, бронзовая, с гравировкой «Дорогой Верочке от Андрея». В семидесятых годах какой-то малоизвестный скульптор подарил ее соседке. У них был бурный, но короткий роман. Фамилия еще у него такая вкусная была...

– У кого? – спросил Спиркин.

– У скульптора, – ответила Алёнка, – Вера Георгиевна называла, но сейчас не могу припомнить...

– Булкин?

– Не-а.

– Пышкин?

– Да нет же.

– Пирогов?

– Тоже не то... и вообще, чего ты меня сбиваешь... она прямо на языке крутится... а ты со своими хлебобулочными подумать не даешь.

– Женщина, почему вы мне тыкаете?

– Кто?! – задохнулась Алёнка от возмущения.

Последний раз ее так в роддоме называли.

– Что кто? – не понял опер.

– Как ты меня назвал?

– Ладно, Алён, давай еще одну комнату осмотрим и по домам, меня уже клиентки четвертуют скоро, – примирительно вклинулся в их перепалку Дениска.

Как Алёнка ни старалась найти что-то еще в творившемся вокруг хаосе, больше ничего вспомнить она не могла.

Все трое проследовали в последнюю комнату, в которой при жизни соседки Алёнка никогда не была. Это была мастерская. Алёнка знала, что старушка рисовала когда-то, но что она продолжает рисовать до сих пор да еще так... она даже не подозревала. На мольберте стояла незаконченная картина, на которой была изображена деревушка, вся занесенная снегом. Из труб некоторых домишек шел дым, кое-где в окнах горел свет, а по узкой тропинке, утопая по самую грудь в сугробах как живой бежал толстый рыжий котик. Алёнка совсем не разбиралась в живописи, но даже она смогла оценить талант Веры Георгиевны. На стенах тоже висели картины. Среди них были и портреты, и натюрморты, но чаще всего художница изображала одну и ту же деревушку.

– А тут всё на местах? – спросил Спиркин, про существование которого Алёнка напрочь забыла.

– А я откуда знаю, я тут не была ни разу, но смотрите, вот там, кажется, не хватает двух картин, видите, обои более темные, не выгоревшие.

– Давайте выводы тут буду делать я, ваше дело вспоминать, – важно сказал Спиркин.

– Да, пожалуйста, – фыркнула Алёнка.

На выходе из квартиры Алёнку осенило.

– Мундштука нет!

– Мундштука? – тупо переспросил Спиркин.

– Ну да, мундштука, она с ним никогда не расставалась. – И Алёнка во всех подробностях описала мундштук.

– Понятно, – протянул Спиркин таким тоном, что сразу стало, что ему очень мало что понятно в этой жизни. – А вы сами-то где были в момент убийства? – неожиданно сменил тему Спиркин.

– Я?! – опешила Алёнка. – А во сколько было убийство?

– Приблизительное время смерти от семи до восьми утра, – с важностью произнес опер.

– Дома была, потом в сад Сашку отводила, я же вам всё рассказала.

– Ну мало ли...

– Что – мало ли? Вы что думаете, я в перерыве между сборами детей в школу забежала, кокнула старушку и как ни в чём не бывало повела ребенка в сад?! – начала закипать Алёнка.

– В нашем деле всякое бывает, – надменно процедил Спиркин, – значит так, вы пока никуда не уезжайте, мы вас вызовем еще, сначала как свидетеля, а там как пойдет... а я пока напишу убийство с целью ограбления.

– Да какое тут ограбление? – не выдержала Алёнка. – Ты посмотри, вся аппаратура на месте, а она, между прочим, недешевая, в спальне в вазочке лежит дорогий браслет и кольцо с изумрудом, да и сережки у нее в ушах были. А там, между прочим, тоже изумруды с бриллиантами. Тут что-то другое. Кому могли понадобиться шкатулка с письмами, статуэтка и мундштук? И что значит «как пойдет»?!

– Вы, женщина, что это меня вздумали учить, как мне работать? Я вас не учу детей воспитывать, так почему вы в мои дела лезете? – выпалил Спиркин, но увидев Алёнкино лицо, тут же пожалел о сказанном.

– Как же ты меня достал, хорёк ты белобрысый! Какая я тебе женщина?! – не на шутку взбеленилась Алёнка, сжимая от злости кулачки и надвигаясь на растерянного Спиркина. – И вообще, не зря ты мне сразу не понравился, с такими работничками, как ты... – договорить она не успела, из лифта выбежал ее Васенька.

Решительной походкой подойдя к Алёнке и уже издалека оценив степень ее бешенства, он сгреб ее в охапку и затащил домой.

– Извини, задержался, пробки. Значит так, сиди тут, дальше я сам, – сказал он таким тоном, что Алёнке и в голову бы не пришло послушаться.

Дождаясь возвращения мужа, она разъяренной тигрицей наматывала круги по квартире. Погруженная в свои мысли, она на автомате разобрала валявшиеся в коридоре пакеты с продуктами, загрузила после завтрака посудомойку и замесила тесто на пироги. Почему-то в моменты тоски или сильных переживаний Алёнке хотелось печь, и чем сильнее она переживала или хандрила, тем больше пекла. Вот и сейчас она поняла, что пирогов в этот раз будет ну очень много. «Как же Вера Георгиевна любила ее пироги», – с тоской подумала Алёнка и опять начала реветь.

Вернувшийся вскоре муж застал ее ревущую на кухне, всю перепачканную мукой.

– Значит так, с мамой я договорился, она детей заберет после школы и отвезет к себе, на работу твою позвонил, тебя отпустили до понедельника. А теперь сядь и на вот... выпей! – говоря всё это, он достал с полки бутылку коньяка и налил ей приличную дозу в пузатый бокал.

– Я не хочу, – хныкала Алёнка.

– Я сказал, пей, как лекарство, – безапелляционно приказал Василий.

Алёнка зажмурилась и выпила одним махом янтарную жидкость. По телу сразу разлилось тепло, а зубы перестали выбивать дробь.

– Ну что, полегчало?

– Угу, – простонала она, – Васенька, а что мы с Тимохой будем делать?

– Что-что, оставим, куда же его девать, с хозяином договорюсь, не переживай.

– Ой, а детям? Как детям-то всё расскажем?

– Детям? – приуныл Василий. – Придется сказать, как есть, что умерла, только без подробностей.

– А похороны? У нее же никого нет, кто ее хоронить-то будет? – снова завывала Алёнка. – Я лишь одного ее знакомого знаю, Семёна. Помнишь, мы его встречали время от времени? Но ни его телефона, ни даже фамилии я не знаю.

Василий налил ей еще один бокал, с которым Алёнка, не дожидаясь уговоров, быстро справилась.

– М-да, дела. Ладно, я всё решу. А ты... – тут Василий задумался, он прекрасно знал характер своей жены, чтобы она быстрее пришла в себя, ее надо было чем-то занять, и чем скорее, тем лучше. – Давай-ка ты пока оповестишь всех ее знакомых, может, кто-то захочет попрощаться.

– А где же я их найду-то? У меня их телефонов нет.

– Ну знаешь, зай, тут уж сама подумай, или мне одному всем заниматься?

– Ой нет, Васенька, не одному, я всё сделаю, обещаю.

– То-то же... давай, действуй, а мне отъехать надо, с бумагами волокиты впереди много и, однако, у меня встреча, с совещания сорвался, а там люди серьезные. Тебя одну можно оставить? Ты как?

– Да нормально уже, – вяло отозвалась изрядно захмелевшая жена.

– Ну всё, я ненадолго, ты только больше ни на кого не набрасывайся с кулаками, а то еще в кутузку загремишь.

Он чмокнул жену в щёку, обнял ее покрепче и вышел. Алёнка осталась одна. Мысли после двух бокалов коньяка да еще и на голодный желудок вяло перетекали одна в другую, и она никак не могла на чём-то сконцентрироваться. Она упускала что-то важное, но что, никак не могла понять.

– Так, оповестить знакомых, – вслух сама себе сказала Алёнка, – у Веры Георгиевны рядом с телефоном лежала записная книжка, наверняка там есть все номера. Да, мысль хорошая, но как попасть в квартиру?

Она выглянула на лестничную клетку, там уже никого не было. Дверь соседки была опечатана. Не вариант. Вернувшись домой, Алёнка продолжала размышлять: «А сотовый? В теле-

фоне должны быть контакты и последние звонки, не мешало бы посмотреть. Тоже отпадает, телефон забрала полиция. Да... ситуация».

Можно было бы попросить помочь Гришаню, он был айтишником от Бога, вдруг он смог бы уж если не найти список контактов, то попробовать установить звонки соседки. Гришка – хороший знакомый Алёнки еще со времен общажной жизни.

Когда-то будучи молоденькой второкурсницей Алёнка, не выдержавшая разгульной жизни соседок по комнате в общежитии, переехала в блок, где обитал пятикурсник Гриша с двумя своими соседями. Комендант, с которой у юной Алёнки установились практически дружеские отношения, жалившись над ее мучениями с соседками, предложила ей комнату.

«Ты уж не обессудь, комната так себе, сильно убитая, да и пацаны по соседству, но тихие. Зато будешь сама себе хозяйка. Из-за размеров мы туда лишь по одному селим. Но лучше уж одной, чем с такими», – сказала комендант и открыла перед Алёнкой дверь ее будущего жилища. Алёнка сначала опешила от открывшейся перед ней картины. Комнатка действительно была маленькой, даже не так... крохотной. Весь дальний угол был в черной плесени из-за того, что комната была угловой и в швы между панелями попадала влага. Обои были все ободранные, а на одной из стен красовался кем-то нарисованный черно-белый портрет одноглазого мужчины. При этом недостающий глаз он держал в выставленной вперед руке. Из мебели в наличии имелась лишь трехногая кровать и полуразвалившийся шкаф. Ванна с туалетом тоже были в плачевном состоянии.

«Ой!» – только и смогла выдать Алёнка.

«Не нравится? – усмехнулась комендант. – Извини, но других вариантов нет».

«Нравится! Переезжаю!» – решительно ответила студентка.

«Ну и отлично, ты пока потерпи, а завтра попробую тебе кровать попроще найти».

Оставшись одна, Алёнка призадумалась, отложенных денег должно было хватить на дешевые обои и линолеум. Да и родители обещали помочь. Можно будет купить новый шкаф и кухонный стол. Осталось придумать, как ремонт сделать. Сама она ни разу в жизни ничем подобным не занималась. И тут веселой гурьбой влетели три ее одногруппницы, с которыми Алёнка хорошо дружила. Оценив весь масштаб бедствия, девчонки выдали: «Ничего, справимся».

И работа закипела. Сначала они отодрали все старые обои и отмыли стену. Соседи, увидев четырех веселых и обаятельных студенток, скромно предложили свою помощь. На фоне ремонта ребята и сдружились. Через неделю комната приняла очень даже уютный вид, а уж как мальчишки были рады, когда Алёнка, засучив рукава, до блеска отдраила всю сантехнику! Оказывается, они не подозревали, прожив в этом блоке четыре года, что ванна у них не бурая, а белая. Они так вошли в раж, что даже раздобыли где-то банку краски и выкрасили ванну с туалетом в фисташковый цвет, о котором мимоходом обмолвилась Алёнка.

Ребята, естественно, старались помогать Алёнке, чем могли, объясняли физику, на которую у нее была настоящая аллергия, прибивали полки или делали мелкий ремонт, прогоняли чересчур настойчивых поклонников, одним словом, взяли над ней шефство. В благодарность за это она часто кормила их чем-нибудь вкусеньким. У нее сложились добрососедские отношения со всеми ребятами, но по-настоящему она дружила именно с Гришаней. Ему она могла рассказать всё, и он ее понимал с полуслова. Она частенько мирила его с очередной пассией, которых у парня было несчетное количество, а он лично следил, чтобы никто не посмел ее обидеть. Между ними существовало негласное правило – не портить дружбу всякими глупостями, и они честно его соблюдали. Дружба эта не закончилась даже после института, а с годами стала только крепче.

Гришка всегда был помешан на программировании и на всём, что связано с компьютерами. Сколько он ни пытался ей объяснить, чем именно он занимался, она так и не поняла,

поэтому в один прекрасный момент он плюнул на это неблагодарное дело и стойко выслушивал все ее просьбы, связанные с любыми видами техники.

Вот и сейчас, услышав в телефонной трубке голос Алёнки, он сразу предупредил:

– Если это связано с разблокированием платных каналов, за которые ты не хочешь платить или подключением утюга к вайфаю, не трать время, это не ко мне.

– Зачем мне утюг к вайфаю подключать? Мне надо номер телефона вычислить, – растерялась Алёнка.

– Так, похоже, дело серьезное, что у тебя случилось? – встревоженно спросил Гришка.

– А как ты понял? – хлопнула носом в трубку Алёнка.

– Забыла? Я же тебя как облупленную знаю и, если ты не язвись, а начинаешь тупить, значит, дело дрянь, так что выкладывай.

И Алёнка рассказала всё.

– Да, ну и дела! – присвистнул Гриша. – Что я должен сделать?

– Хочу, чтобы ты пробил, кому она звонила, и кто ей звонил! А еще попробовал найти некоего Семёна. Всё, что я о нём знаю, он владелец какой-то юридической конторы.

– Ты за кого меня держишь? За хакера местного разлива? Это надо вскрывать базу ее сотового оператора, а потом...

Алёнка, зная Гришку, поняла, что дальше последует долгий и подробный рассказ, из которого она всё равно ничего не поймет, и поспешила его перебить:

– Ну, Гришаня, ты же такой умный, у тебя столько знакомых, ну ты же всё-всё можешь!

– Не трать зря силы на комплименты, чёрт с тобой, давай номер, но я ничего не обещаю.

– Спасибо, вот всегда знала, что ты не подведешь!

– Одним спасибо не отвертись, с тебя «Наполеон» твой фирменный! И ещё, мне посоветоваться надо будет... – замылся он. – Жди на следующей неделе в гости!

– Никак жениться надумал? – засмеялась Алёнка.

Женить друга было ее заветной мечтой, он был замечательный парень, но с девушками ему как-то не везло.

– Вот у тебя нюх! Угадала. Будешь кормить меня «Наполеоном» и давать ценные наставления, – засмеялся Гриша.

– Это я с удовольствием!

– Да, кстати, а ты в соцсетях не пробовала посмотреть, с кем она там дружила? Хотя в таком возврате, вряд ли она где-то зарегистрировалась...

– Гришанечка! Ты гений! – воскликнула Алёнка. – Всё, пока!

И как она могла забыть? Алёнка сама полгода назад уговорила Веру Георгиевну зарегистрироваться в одной, всем известной социальной сети. Старушка отнекивалась, говорила, что мало кто из ее знакомых ее пережил, а уж если и пережил, то впал в маразм и им вовсе не до соцсетей, но Алёнка не унималась, и Вере Георгиевне пришлось сдаться.

Алёнка открыла ноутбук и со второй попытки вошла на страничку соседки, благо логин и пароль соседки она отлично помнила, так как сама ей их и придумала. Увидев фотографию, которую они вместе так тщательно выбирали, Алёнка в очередной раз чуть не разревелась, но смогла взять себя в руки. На фото Вера Георгиевна была лет на двадцать моложе, белыми кудряшками волосы, как всегда, идеально уложены, голубые глаза смотрели прямо и чуть свысока, легкая улыбка играла на слегка подкрашенных губах.

– Хватит нюни распускать, у тебя дело важное есть, ты мужу обещала, – прикрикнула сама на себя Алёнка.

Она принялась смотреть, кто же есть в друзьях у соседки.

– Хм, я и не думала, что она так активно тут переписывалась.

Переписка действительно была обширной, но ни одного письма Семёну она не нашла. Последнее сообщение было отправлено некоей Валентине Кузьминичне. Почитав переписку,

Алёнка поняла, что женщины довольно часто общались, обменивались всевозможными кулинарными рецептами и народными средствами от болей в суставах.

Именно с Валентины Алёнка и решила начать. Зайдя к ней на страничку, она увидела на фото тучную женщину семидесяти-восемидесяти лет, точнее сказать было сложно, с рыжими взбитыми в высокую причёску волосами. Черты лица у нее были мелкие и какие-то лисьи. Несмотря на возраст и полноту, смело можно было сказать, что в молодости она была красавицей, но не этаким столичной штучкой, а дородной, немного даже деревенской.

Отлично, она сейчас в сети. Надо написать, но вот что?

– Не могу же я в лоб сказать незнакомому человеку, что ее знакомую убили. А вдруг у нее сердце больное? – рассуждала вслух Алёнка.

Подумав немного, она написала: «Добрый день, меня зовут Алёна, я соседка Веры Георгиевны. Свяжитесь, пожалуйста, со мной в любое удобное для вас время» и указала свой мобильный.

Отправив сообщение, она начала смотреть другие переписки, но в этот момент раздался звонок с неизвестного номера.

– Оперативно, – удивилась Алёнка, и вся внутренне напрягалась, готовясь ошарашить незнакомую женщину ужасной новостью.

– Слушаю вас, – сказала Алёнка, подняв трубку.

– Что с Верочкой случилось? Она в больнице? Это давление, да? Говорила же я ей, нечего пить этот заграничный препарат, один вред от них, горчичники, вот что действительно помогает! – на одном дыхании выпалила собеседница.

Надо сказать, что голос у нее был зычный, явно привыкший отдавать приказы и не терпящий возражений. Алёнка даже слегка растерялась.

– Нет, тут немного не то, – промямлила она. – Дело в том, что Вера Георгиевна...

– Девушка, что вы там шепчете, говорите всё как есть, вы меня нервируете!

– Дело в том, – повторила Алёнка более громко, – что Вера Георгиевна умерла.

– Ох!

И Алёнка услышала, как на другом конце упало что-то тяжелое.

– Аллю, аллю! вы тут? С вами всё в порядке?! – испуганно закричала в трубку Алёнка.

Две мертвые старушки за одно утро для нее было бы явно перебором.

– Да не кричи ты так, голова разболится. Села я просто от неожиданности резко. А девушка я немаленькая, вот и... Так ты говоришь, Верочка умерла? От чего?

Алёнка не знала, стоит ли рассказывать, но убедительно соврать сходу она тоже не смогла, поэтому рассказала всё как есть. А чтобы избежать остальных вопросов перевела тему на знакомых соседки.

– Понимаете, она же одна совсем, мы хотим похороны организовать, но не знаем, кого оповестить, может кто-то захочет прийти попрощаться, да и бюрократия везде, не знаю, отдадут ли нам ее, мы же не родственники.

– Я всё поняла. Так значит, организацию всего я беру на себя. Всех наших оповещу. Думаю, народу будет много, ну и с бумагами всё решим, слава Богу, связи везде остались.

– Извините, а откуда вы Веру Георгиевну знали?

– Так мы столько лет вместе проработали. Практически вместе начинали. Знаешь что, ты заскочи ко мне на днях, заодно фотографию ее привези какую-нибудь, мы поболтаем, и я тебе много чего про нас расскажу. Записывай адрес, – скомандовала Валентина.

Алёнке очень не хотелось ехать к малознакомой старушке, но отказать она не посмела, тем более и жила та недалеко. Положив трубку, Алёнка продолжила читать переписку соседки. Среди многочисленных сообщений глаз ее зацепился за переписку на немецком языке с каким-то импозантным мужчиной. Немецкий Алёнка не знала, а возиться с переводом не было уже никаких сил, поэтому она здраво рассудила, что куда эта переписка от нее не денется, и с

чувством выполненного долга закрыла ноутбук. Новость что Валентина Кузьминична возьмет на себя всю организацию похорон, тоже подействовала на Алёнку успокаивающе. А тут как раз и тесто подоспело. За домашними хлопотами Алёнка не заметила, как пролетел день.

Известие о смерти соседки на детей подействовало самым удручающим образом. Они никак не могли принять тот факт, что ее больше нет. Небольшим утешением стал Тимоха, который тоже очень тосковал по своей хозяйке и ни на шаг не отходил от Маруськи.

Уже ночью, когда уроки были кое-как сделаны, посуда после ужина убрана, а дети уложены спать, Алёнка почти засыпала, уткнувшись в плечо мужа, и тут ее осенило.

– Он же хромал! – вскрикнула она и резко села на кровати.

– Кто?! – подскочил проснувшийся муж, разбуженный ее криком.

– Да мужик этот, который мне пакет на лестнице порвал. Он хромал, вернее нет, он даже как-то заваливался на одну сторону. Походка у него была странная. А еще борода!

– Алён, ну ты серьезно, что ли? Спи, давай. Ты еще давай начни убийцу искать, сыщица доморощенная. Оставь это Спиркину, ему за это деньги платят, а нам спать надо.

– Да этот Спиркин дальше своего носа не видит. Кого он найти сможет? – возмущалась Алёнка.

Но муж так на нее посмотрел, что она сочла за лучшее не развивать эту тему.

Глава 4. На следующий день

На следующий день, когда все домашние были кто в школе, кто на работе, а кто в саду, Алёнка раздумывала, стоит ли ей ехать к Валентине Кузьминичне, раздался звонок.

– Слушаю, – ответила Алёнка.

– Воронова Алёна Владимировна? – раздался на том конце противный голос всё того же Спиркина.

– Ну да, она самая.

– Прошу вас явиться сегодня к двенадцати часам в отделение. Записывайте адрес, – командовал опер.

– С вещами? – вяло попыталось пошутить Алёнка.

– Это как хотите, – сказал Спиркин и отключился.

Алёнка приуныла. Только этого сейчас не хватало. Да еще время-то какое неудобное. Вот детей кто будет забирать из школы? Придется звонить и просить свекровь. От одной мысли об этом у Алёнки начало сводить скулы. Отношения у них были, мягко говоря, прохладные.

Мать ее мужа, Клара Максимовна, растила Василия одна и явно не для понаехавшей в столицу нашей родины Алёнки. По ее мнению, ему должна была достаться в жены этакая профессорская дочка благородных кровей, не пропускающая ни одного спектакля в Большом и Малом театрах и теряющая сознание от слова «блин». При этом она должна была содержать дом в стерильной чистоте и кормить ее сыночка пророщенными семенами пшеницы и прочими полезными для здоровья яствами, а душу питать разговорами о высоких материях. Поэтому когда сын остановил свой выбор на добродушной бойкой, но деревенской девушке, готовящей борщи и пельмени, она его не поняла. Со временем и с появлением детей ей ничего не оставалось, как оставить свои надежды на то, что этот брак долго не проживет и смириться, но она каждый раз пыталась побольнее уколоть Алёнку, чтобы та знала свое место.

Вот и сейчас Алёнка заранее знала, что ей скажет свекровь на просьбу подстраховать с детьми.

– Клара Максимовна, добрый день, – как можно более миролюбиво начала Алёнка.

– Да, и тебе, – растягивая слова, ответила свекровь.

Она всегда разговаривала таким тоном, что сложно было понять, то ли она плохо себя чувствует, то ли так «рада» слышать позвонившего.

– Как ваше самочувствие? – начала издалека Алёнка.

– Да, как всегда, всю ночь глаз не сомкнула, устала вчера сильно. Давление поднялось.

«Ну да, намекает, как сильно вчера от внуков устала», – подумала про себя Алёнка, но вслух сказала только:

– Видимо, полнолуние, мы все сегодня плохо спали, да и события эти ужасные, тут у кого угодно давление поднимется. – И не дожидаясь, пока свекровь начнет дальше перечислять симптомы надвигающегося инсульта, затараторила: – Клара Максимовна, а у вас на сегодня случайно не было никаких планов? Меня просто в милицию вызывают к двенадцати часам. Детей могу не успеть из школы забрать. Не могли бы вы...

– Я так и знала, что ты звонишь не о моем самочувствии справиться, – проворчала назидательно свекровь. – Алёночка, у нас давным-давно полиция, называй, пожалуйста, органы власти правильно. Так и быть, сегодня тоже я их заберу. Что бы вы без меня делали?! Но имей в виду, завтра я не могу, билеты у меня в Третьяковку куплены. В конце концов это ваши дети, – на этом она повесила трубку.

«Опять отчитала как школьницу», – подумала Алёнка и пошла собираться.

К Спиркину Алёнка решила явиться при полном параде. Она сделала легкий макияж и как смогла, уложила свою непослушную гриву, надела свое любимое черное платье-футляр,

эффектно подчеркивающее все достоинства фигуры и скрывающее недостатки. Сверху накинула белое шерстяное пальто. Долго раздумывала что обуть. Водить на каблучках она не любила, но в ботинках эффект от так тщательно созданного ею образа терялся и она решила остановить свой выбор всё-таки на узких сапожках на высоком каблуке. «Черт с ними, в машине дорожные туфли есть, переобуюсь, если уж совсем неудобно за рулем будет», – подумала Алёнка. Посмотрев на себя в зеркало, она осталась довольна результатом и решительно вышла из дома.

Водить Алёнка любила, а уж как она любила свою машинку, не передать словами. Три года назад муж преподнес ей сюрприз на день рождения. Она давно мечтала о собственном автомобиле, но возможности купить что-то достойное не было. А тут, придя с работы, за неделю до дня рождения, она увидела в коридоре загадочно улыбающегося мужа.

– У меня для тебя подарок!

– Ты же знаешь, что заранее не дарят. Потерпи, скоро вручишь, – вяло отнекивалась уставшая Алёнка, мечтающая лишь о том, как она вытянет гудящие от каблуков ноги, которые ей изрядно оттоптали в метро.

– Нет, его надо сейчас вручить, – настаивал Василий. – Короче, это тебе! – с этими словами он вложил в ее руку брелок.

Алёнка долго не могла понять что это, трогала, вертела в руках и тупо хлопала ресницами.

– Вася, а это что? – только и смогла она выдать.

– Ключи, балда, пойдем в гараж!

От такой неожиданности ноги у Алёнки подкосились, и она со всего маху села на пол.

– Ну ты, мать, даешь! – смеялся муж, пытаясь ее поднять.

Дети с криками носились вокруг, кто-то уже натягивал шапку, кто-то обнимался, в квартире творилась полная неразбериха, а Алёнка никак не могла понять, почему ноги ее не слушаются, и что, собственно, происходит. Только когда всё семейство спустилось в гараж, и муж подвел ее к новенькой сверкающей машинке, Алёнка начала приходить в себя, но всё равно говорить она не могла. Она просто молча редела и гладила черный бок автомобиля, боясь поверить своему счастью. Дети уже вовсю исследовали всевозможные кнопки и распределяли места, а она даже боялась открыть дверцу, чтобы чудо не испарилось.

Вот и сейчас, она плюхнулась в такое родное кресло, привычно погладила руль и глубоко втянула носом такой любимый запах салона. Пахло кожей, ароматизатором с нотками жасмина, ее духами и немного табаком. Врубив музыку на полную, Алёнка резко выехала из гаража. Когда она спустя полчаса парковалась около здания полиции, настроение у нее было самое что ни на есть приподнятое, насколько это, вообще, было возможно, учитывая обстоятельства вчерашнего дня.

Войдя в кабинет, который ей назвал Спиркин, она увидела, что кроме него там сидят еще три оперативника. Все выглядели уставшими и какими-то помятыми.

– Добрый день, Воронова Алёна Владимировна явилась по вашему указанию! – бодро отрапортовала Алёнка, лучезарно улыбаясь присутствующим, чем вызвала у мужчин дружную ответную улыбку.

Один лишь противный Спиркин даже головы в ее сторону не поднял.

– Присаживайтесь, – холодно процедил он, продолжая что-то печатать на допотопном компьютере.

Его стол находился в самом дальнем углу кабинета и был завален какими-то папками и документами, за которыми его было еле видно.

Алёнка присела на стоящий рядом облезлый деревянный стул, молясь про себя об одном, чтобы ее белое пальто не пострадало.

– Итак, приступим, – начал Спиркин, наконец-то оторвавшийся от монитора и обративший внимание на собеседницу. – Повторите для протокола события вчерашнего дня со всеми подробностями, не забываете ни одной детали.

Алёнка набрала побольше воздуха и повторила всё то, что рассказала ему вчера.

– Кстати, я вчера вспомнила, чем меня фигура мужика этого смутила! – выпалила она в конце рассказа.

– Какого мужика? – удивился Спиркин, который во время ее рассказа опять погрузился в монитор компьютера.

– Как какого? Который мне яблоки рассыпал. Прихрамывал он. Даже не так. Заваливался на одну сторону.

И Алёнка для пущей убедительности подскочила, и начала показывать, как именно мужчина двигался. Получилось у нее это, видимо, очень артистично, так как из противоположного угла послышался чей-то сдавленный смех.

– А еще борода у него была! Я когда фонариком на него посветила, он лицо рукой прикрыл, но я бороду заметила! Такая черная, короткая, как у вас! – и она указала пальцем на мужчину, сидевшего напротив Спиркина.

– Как у меня? Ну это в наше время не редкость, – поддержал разговор оперативник, – позвольте представиться, – старший оперуполномоченный Кирилл Васильев.

– Очень приятно, – улыбнулась Алёнка.

– Не отвлекайтесь от дачи показаний! – влез в их диалог Спиркин. – Продолжайте.

– А что продолжать-то? Я уже всё рассказала, вы мне вот скажите, это что получается, я убийцу видела? То есть я единственный свидетель. А если он меня запомнил? Он может теперь и меня... того?

– Вы сейчас о чём? – не понял Спиркин.

– Ну как о чём? О мужике хромом с бородой. Может, мне теперь охрана положена? Или как там у вас... защита свидетеля?

– Алёна Владимировна, вы несете полную ерунду! И вообще, кто вам сказал, что вы свидетель? Может быть, вы у нас пока единственный подозреваемый? Как вам такой расклад: вы увидели у старушки что-то ценное и решили завладеть этим, стукнули ее по голове небольшим тяжелым предметом, обокрали и вернулись домой, заниматься своими делами. Семья предоставит вам отличное алиби. А теперь для пущей убедительности пудрите нам мозги каким-то мужиком. Вчера он был просто мужик в капюшоне, а сегодня уже бородатый и хромой. Куда вы дели орудие преступления, отвечайте! – рявкнул Спиркин так, что в углу кабинета кто-то подавился чаем.

А она просто застыла на стуле с широко открытыми глазами, но быстро пришла в себя.

– Значит так, если бы ты думал, прежде чем открыть рот, ты бы понял, что твоя гипотеза шита белыми нитками и не выдержит ни одной проверки. Во-первых, зачем мне ее убивать, если я хотела чем-то завладеть, как ты говоришь? Мне достаточно было прийти в очередной раз к ней в гости и это украсть. Да и ключи от ее квартиры у меня были. Я в любой момент могла в нее попасть и взять всё, что мне нужно. Во-вторых, куда я, по-твоему, успела бы спрятать орудие преступления? Если меня сразу Денис увидел, а потом вы понаехали? Квартиру вы всю обыскали. Есть там что-то похожее на орудие преступления? Да и зачем мне ей по голове стучать? Я бы вечером ей в чай чего-нибудь насыпала, и всё сошло бы за естественную смерть! Ну и последнее, для того чтобы убить человека, а потом как ни в чём не бывало пойти заниматься своими обычными делами, надо иметь стальные нервы. Это точно не про меня, ты же сам видел, в каком я была состоянии, когда вы все приехали.

– А может, вы актриса хорошая? – гнул свое Спиркин. – И вообще, про украсть это я для примера сказал. Кому после ее смерти квартира отходит?

– Квартира? – переспросила Алёнка.

– Квартира-квартира. Родственников у нее нет. Вы живете с тремя детьми в съемной квартире. Мы это выяснили. Может, вы планы какие на ее жилплощадь имели? Вот и решили ее поторопить. Квартира-то шикарная, четырехкомнатная. Вам такая и не светит. В наше время и за меньшее убивают.

Алёнка судорожно сглотнула. Что сказать ему на это, она не нашлась.

А Спиркин, видя, что лишил ее дара речи, самодовольно продолжал:

– Мундштук этот опять-таки пропал. Судя по описанию, вещь штучная и, возможно, ценная. Значит так, подписывайте свои показания и из города ни ногой. Понадобитесь, мы вас вызовем.

Алёнка была готова взорваться от злости, но разумно сдержалась.

– Всё равно звучит неубедительно, вы опровергните мое алиби для начала, затем предоставьте орудие убийства с моими отпечатками, а еще, раз уж вы такой умный, докажите, что я имела хоть какую-то выгоду от убийства соседки, так как пока все ваши обвинения выглядят, как детский лепет, и ничем не обоснованы. И кстати, товарищ следователь, или как вы там называетесь, стыдно так безграмотно писать. В слове искусствовед допущено сразу три ошибки. А про пунктуацию в вашем протоколе я уже молчу!

Алёнка резко встала и удалилась, даже не попрощавшись, громко хлопнув дверью. На улице ее обдало холодным ветром, что немного привело ее в чувство и остудило раскрасневшееся от злости лицо. Зубы от холода, а может, и от вырывающейся наружу злости начали предательски стучать, а когда она пыталась прикурить, заметила, что руки слегка потряхивает.

– Дурацкий Спиркин довел своей тупостью, – процедила она сквозь зубы.

– Алён, ты не обращай на него внимания, – услышала она за спиной приятный голос.

Следом за ней на улицу вышел Кирилл, увидев ее мучения с сигаретой, помог ей прикурить и затаился сам.

– Ничего что я так – на ты?

Алёнка в ответ замотала головой.

– Спиркин действительно небольшого ума парень, но очень ответственный. Он у нас недавно, поэтому пытается выслужиться перед начальством и плюсики себе наработать.

– Ага, он плюсики, а у меня от него одни минусы. Я вовсе не должна была тут быть. Мне детей забирать надо, а он со своими глупостями, – пожаловалась Алёнка, почему-то Кирилл ей сразу понравился.

Его открытая улыбка и громадные глаза в обрамлении пушистых ресниц вызывали доверие.

– Да ладно тебе, что бы ни говорили про нашу систему, но невиновных мы не сажаем, ну или редко, или не очень надолго, – засмеялся парень.

– А ты, я смотрю, умеешь успокоить, – фыркнула Алёнка.

– Да я много чего умею. На вот мою визитку. Будет туго или помощь какая понадобится, звони, не стесняйся. Ну пока, Актриса! – с этими словами он, метко кинув окурок в урну, по-мальчишески ей подмигнул и скрылся за дверью.

Алёнка, сев за руль, пребывала в унынии. Что и говорить, жила себе спокойно, никого не трогала и на тебе, убили соседку, ее саму чёрте в чём обвиняют, да еще Спиркин этот мерзкий. Да, одна она тут не справится, тут нужна тяжелая артиллерия. И она недолго думая написала Маринке с Аськой: «Надо встретиться, сегодня в 21.00. Срочно!» Ответы прилетели мгновенно: «Ок». И никаких тебе охов-ахов, ненужных вопросов или «я могу, но в 20.00 или завтра». Вот за что она ценила своих подруг, так за надежность и готовность всегда в любую погоду, в любое время дня и ночи прийти на помощь.

Почувствовав облегчение, Алёнка, уже заметно успокоившаяся, порулила забирать детей от свекрови. До вечера надо было успеть переделать кучу домашних дел: приготовить ужин,

проверить у старших уроки, выгулять Тимоху и сделать в конце концов эту осеннюю дурацкую шляпу, про которую Сашкина воспитательница ей уже трижды напоминала.

Глава 5. У дяди Давида

Вечером Алёнка сидела в их любимом с девочками ресторанчике и вяло ковыряла вилкой теплый салат с телятиной. За окном вся в огнях раскинулась ночная Москва, машины спешили кто куда, а в ресторане дядя Давид из-за барной стойки обеспокоенно поглядывал на свою любимую постоянную клиентку. Она пришла чуть раньше девчонок и сидела в гордом одиночестве погруженная в свои мысли.

Ресторан так и назывался «У дяди Давида» и располагался на последнем этаже довольно крупного торгового центра. Само помещение было маленьким и по-домашнему уютным. Посетителей здесь всегда было немного, и девчонки удивлялись, как дядя Давид умудряется поддерживать ресторан на плаву так долго. Хозяин тепло относился ко всем своим посетителям, но эту троицу любил больше всего. Девчонки платили ему тем же.

– Ай, красавица, ты почему меня обижаешь, плохо кушаешь? Или салат сегодня невкусный? Ты скажи, я пойду с поваром поговорю и лично тебе новый сделаю, вот этими самыми руками, – не выдержал хозяин заведения.

– Нет-нет, что вы, дядя Давид, всё, как всегда, на высоте. Просто настроение не очень.

– Кто посмел мою красавицу обидеть? Только не говори, что муж! Не сносить ему головы, если так. Вот у меня сын старший есть, хороший мальчик. Давно тебе говорю, присмотришься ты к нему! Не то, что ваши московские пацанчики. Настоящий мужчина!

– Дядя Давид, ну какой сын, ну трое детей же, – засмеялась Алёнка.

– А он и десяти не испугается ради такой красавицы! И вообще, где мои остальные две любимицы? Почему не торопятся? А давай мы с тобой, пока их нет, по стаканчику выпьем? А? Мне лишь вчера привезли твой любимый «Киндзмараули»! Для себя заказывал, но видя тебя в таком состоянии...

Договорить он не успел, на пороге появилась миниатюрная блондинка. Одета она была в узкие черные джинсы, как вторая кожа облегавшие фигурку, ярко-голубую водолазку, так шедшую к ее глазам, и белые кроссовки. На фарфоровом личике выделялись огромные практически в пол-лица голубые глаза.

– Ай, куколка моя пришла! Значит сейчас на троих и выпьем по стаканчику, – пробасил на весь зал дядя Давид и поспешил встречать любимую гостью.

– Мариночка, я тебе уже твой любимый салатик велел приготовить. Сейчас принесут, и шашлыки скоро будут, и хачапури уже горячий сейчас несут, всё как ты любишь.

– Дядя Давид, я только похудела после прошлого раза, вы меня опять откормите, зачем я мужу такая нужна буду? – Маринка вся засветилась.

– Э, да что у вас за мужья, что так вас плохо кормят? Смотреть на вас больно! Женщина должна быть большой! А вы доведете себя скоро до этой... как ее... анаксии!

– Анорексии! – хором подхватили девчонки.

– Да, до нее самой! – подтвердил хозяин ресторана и скрылся на кухне.

Маринка была ровесницей Алёнки и тоже, как и она, многодетной матерью. Девчонки дружили уже давно, они одновременно пришли в банк, практически одновременно вышли замуж и так же одновременно обзавелись детьми. Вот только Маринка так и не вернулась на работу, поэтому она искренне восхищалась Алёнкой. Подруга была очень светлая добрая и бесконечно наивная. Она умела сопереживать, поддерживать, а именно это Алёнке сейчас и надо было.

– Вот не опоздала же я? Да? – с ходу спросила она у нее, пытаясь пригладить стоявшую дыбом челку.

– Да ты герой, ты даже раньше времени приехала, сейчас ананасы на улице зацветут, а дядя Давид фальцетом запоеет, это же такая редкость, что ты вовремя явилась, – не удержалась и съязвила Алёнка.

– Я поняла, что дело серьезное. Расскажешь или Аську дождемся?

– Давай лучше дождемся, – предложила Алёнка.

Но ждать долго не пришлось.

– А вот и моя королева! – услышали они трубный голос дяди Давида, а вслед за этим к их столику решительной походкой подлетела Аська.

Небрежно бросив на стул дорожную брендовую сумку, она сначала тепло поприветствовала дядю Давида и лишь потом расцеловала девчонок. Выглядела Аська, как всегда, сногсшибательно. На ней был итальянский брючный костюм темно-синего цвета, подчеркивающий невероятно длинные ноги. Светлые волосы, подстриженные в модное каре, были идеально уложены, макияж был безупречным, она выглядела так, как будто только что вышла из салона красоты, а не отработала до этого восьмичасовой день. Аська производила впечатление стильной ухоженной уверенной в себе женщины, кем она, по сути, и являлась. Работала Аська главным бухгалтером в одной очень крупной компании, и как она всегда говорила, статус обязывал держать марку. Когда подруги встречались, она существенно выделялась на фоне девчонок, предпочитающих удобные джинсы и кроссовки стильным костюмам и туфлям. Аська всего в этой жизни добилась сама. Она пахала как проклятая без выходных и праздников, падала, набивала шишки, но снова вставала, стиснув зубы, и шла дальше.

Алёнка познакомилась с ней еще во времена своего декрета, когда они всей семьей отдыхали на морском побережье Испании. У Аски была дочь, ровесница Сашки. Так на фоне детей и завязалось общение, которое с годами переросло в настоящую крепкую дружбу. Аська была практичной и рассудительной, чего иногда так не хватало Алёнке. Она знала, что если ей понадобится объективная оценка, Аська разложит все проблемы по полочкам, убрав так часто мешающие эмоции и всё рационально обосновав.

– Ну что, уже наверняка без меня начали? – усмехнулась Аська, озорно блеснув своими кошачьими глазками.

– Зачем так говоришь? Мы как раз с девочками тебя ждали. Я, вот видишь, вино из своих запасов принес, – возмутился дядя Давид и водрузил на стол бутылку их любимого вина, – давайте, красавицы, за встречу выпьем, я угощаю, да я пойду на кухню потороплю с вашими заказами.

Девчонок не надо было долго уговаривать.

После того как дядя Давид удалился, Маринка не выдержала:

– Не томи, рассказывай уже, что у тебя стряслось!

И Алёнка на одном дыхании выпалила всё про события вчерашнего дня, и про сегодняшний допрос. Над столиком повисло молчание. Аська глянула на дядю Давида, и тот тут же принес еще одну бутылку вина.

В гробовом молчании подруги практически залпом выпили по бокалу и лишь после этого Аська спросила:

– А ведь этот дурак Спиркин прав. Кому теперь хата ее достанется?

– Да что вы все с этой квартирой ко мне прицепились. Откуда я знаю?

– Вот ты мне скажи, ты столько с ней общалась и неужели ни разу эту тему не поднимала?

– Конечно нет! Мы совсем на другие темы общались, не могла же я между обсуждением ее работы на выставке в былые годы спросить: «Кстати, раз уж мы об этом заговорили, кому вы свою квартиру решили отписать? А?».

– Странная ты, столько лет дружила с бабусей и ничего про нее не узнала. Не похоже как-то на тебя.

– Ой, Алёнка, как ты всё это перенесла-то? Если бы я такое увидела, я бы месяц спать не смогла, это надо ж так! – очнулась Маринка.

– Да погоди ты причитать, – оборвала ее Аська, – Алён, ты же понимаешь, что если она вдруг отписала хату тебе, то твой Спиркин с тебя не слезет, пока в камере не закроет! Короче, тебе нужен адвокат. Я завтра узнаю у одного знакомого, у него есть проверенный человек. Значит адвокат на мне, я организую. Но что делать с убийцей этим?

– Что делать, надо его искать, чтоб с меня подозрения снять, – выпалила захмелевшая Алёнка и сама испугалась того, что сказала.

– Это ты правильно говоришь, – одобрила Аська.

– Вы чего, девочки, какого убийцу искать? Вы что фильмов обсмотрелись? Или вино вам в голову ударило. Как мы его найдем-то? – воскликнула Маринка.

– Знаешь, надеяться на чудо от Спиркина это утопия, мы-то точно умнее его. Значит, сможем найти, – уверенно сказала Алёнка.

– Тогда нам нужен план, – резюмировала Аська.

– Перво-наперво мне надо съездить к этой Валентине Кузьминичне. Надо собрать побольше информации о соседке. Вдруг она чего знает, – начала перечислять Алёнка, – ой, девочки, а кто из вас может со мной поехать? Я боюсь, что что-то важное упущу, растеряюсь или чего доброго начну рыдать.

– Езжайте завтра с Маринкой, она умеет в доверие втираться и сопереживать. С бабульками вы обе лучше меня общаетесь, – сказала Аська. – Кстати, то что Гришке позвонила, это ты молодец. Может быть, найдет нам что-то полезное. Но мне не дает покоя, что из квартиры пропали лишь ноутбук, шкатулка и мундштук. Ну ноут понятно, ну шкатулка – тоже куда ни шло, но кому мундштук-то нужен? А ты уверена, что он пропал? Может, закатился куда? Или ты просто не заметила его?

– Да нет, он всегда у нее либо на кухонном столе, либо на тумбочке около кровати лежал, понимаешь, она человек привычки была.

– Опиши-ка его тогда еще разок.

– Да что там описывать, фигурка сокола была, красивая такая, как живая. Но не был он дорогим, вернее не настолько дорогим, чтобы ради него убивать стоило, мне всегда казалось, он ей больше как память дорог был, – сказала Алёнка.

– Погоди, а как фамилия была этой твоей Веры Георгиевны? Вдруг сокол это ее какая-то семейная реликвия?

– Да нет, фамилия была Асадчая, никакого отношения не имеющая к птичке.

– А ты же говорила, что она за мужем была, вдруг девичья фамилия у нее Соколова? – предположила Маринка.

– Точно! – обрадовалась Аська. – Хотя чего гадать, надо просто справки навести, я завтра позвоню своей знакомой, она в МФЦ у нас начальствует. Подскажет, как можно узнать фамилию человека до брака. Вдруг повезет.

– Ну а что нам это даст? – уточнила Маринка. – Ну, будет она Соколова или Сокольницкая какая-нибудь, и что? Объявился у нее потерянный во времена репрессий брат, желающий во что бы то ни стало вернуть семейную реликвию? Бред какой-то.

– Бред не бред, а начинать с чего-то надо, – мудро изрекла Аська.

– А еще же статуэтка пропала! – вспомнила Алёнка.

– Точно! Кстати, ты фамилию этого скульптора не вспомнила?

– Не-а, помню только что-то вкусное, по-моему, на *n* начинается.

– Так давайте спросим «Гугл», – в очередной раз выдвинула блестящую идею Маринка. Сказано, сделано, они дружно достали телефоны и наперебой начали предлагать варианты:

– Пчёлкин!

- Буханкин!
- Пышкин!
- Бабкин ...

– Нет, девочки, всё не то, и зачем вы на *б*-то говорите? Я же сказала на *п* фамилия началась, – отбивалась Алёнка.

– Ну где *П* там и *Б* мало ли ты чего перепутала, – резонно возразила Аська. – Не удивлюсь, если вообще буква другая будет.

Спустя десять минут бесцельных поисков и практически допив бутылку вина, надежда найти злосчастного скульптора практически улетучилась. Тогда Аська просто наугад вбила в поиск «известные скульпторы современности».

– О, смотрите, Курочкин какой-то один из первых находится!

– Точно! Курочкин! – воскликнула Алёнка.

– Да чего в этой фамилии вкусного? – удивилась Аська.

– Ну как, жареная курочка – вкусно же.

– И вовсе он не на *П* и не на *Б* даже, – поддакнула Маринка. – Ну ты даешь, блин!

– Да погодите вы, – перебила Аська, – ничего себе он крутой дядя! Да у него миллионы!

Оказывается, в России его не ценили, и после того, как железный занавес подняли, он уехал в Германию и там неплохо так раскрутился! Сейчас его работы известны по всему миру и стоят немалых денег! Боюсь представить, сколько стоила та статуэтка, которая у твоей соседки на столике пылилась, – и Аська показала подругам статью о работах скульптора, а также информацию о том, за сколько некоторые из них были проданы на последнем аукционе.

У девчонок от удивления округлились глаза, и они несколько раз пересчитали нули в указанных в статье цифрах.

– Вот это информация. Да за такое можно было убить, – выдавила Алёнка.

– Думаешь, Вера Георгиевна знала, каким богатством обладает? – спросила Маринка.

– Даже и не знаю. Не могу сказать, чтобы она в чём-то нуждалась, я всегда думала у нее пенсия хорошая. Но сказать, что шикавала, я тоже не могу.

– Вот вам и мотив. Надо бы пообщаться с этим Курочкиным тоже. Кстати, смотрите, у него какая-то семейная драма. Есть единственный сын, но они давно не общаются.

– А как мы с ним встретимся? В Германию поедет что ли? А чего, может, и впрямь махнем? – уже почти заплетающимся языком предложила Алёнка. – Я, кстати, там ни разу не была, говорят, там рульки вкусные и пиво!

– Тебе бы лишь поесть и выпить, – подколола подругу Аська. – И не надо ни в какую Германию лететь, он давным-давно в Москве обитает.

– А какой нам от него толк? Не мог же он за свою статуэтку ее убить? – спросила Маринка.

В этот момент у Алёнки зазвонил телефон.

– Ой, Гришанечка, как я рада тебя слышать! – заплетающимся языком ответила Алёнка.

– О, мать, да ты пьяна! – гоготнул в трубку собеседник. – Опять втроем опустошаете запасы дяди Давида?

– Кто пьяна? Я? Да я как стеклышко.

– Стеклышко, если только тонированное, – засмеялся Гриша, – ладно, слушай, что я раскопал. Последний звонок твоей соседки был вечером перед днем ее смерти, и звонили ей с номера одной юридической конторы «Лаптев и ко». Если хочешь, узнать могу владельца и попытаться найти его телефон.

– Угу, – промычала Алёнка.

– Что «угу»? Ты меня услышала? Всё запомнила?

– Да услышала я, «Лаптев и ко» ей звонил перед смертью. Спасибо.

– Спасибо? И это всё, что я заслужил? Да ты хоть представляешь, что я сделал, чтобы эту информацию раздобыть? – обиделся Гришка.

– Не представляю, но ты же наверняка мне всё расскажешь. Гришанечка, давай не сейчас, я что-то и правда, по-моему, слегка перебрала. Я тебе очень-очень благодарна, правда, заезжай на чай, но не сегодня, сегодня точно не надо.

– Да ладно, понял я. Кстати, номер этой конторы я тебе скинул. А еще, если тебе интересно, она часто общалась с кем-то в Германии. Номер телефона я тебе сброшу, но узнать, кому он принадлежит я не смог.

– Спасибо тебе еще раз огромное, партия тебя не забудет! – поблагодарила Алёнка и отключилась.

– Ой, девочки, я уже ничего не соображаю. У меня всё смешалось. Соколы, художники, мундштуки, немцы, Лаптевы с их компаниями... – простонала Алёнка после того, как вкратце передала девчонкам разговор с Гришей.

– Тогда давайте напоследок пробьем, что это за контора такая старушке твоей называлась перед смертью и будем закругляться. Утро вечера мудренее, – предложила Маринка и полезла в телефон. – Смотрите, «Лаптев и ко», руководителем и основателем фирмы является Лаптев Семён Ильич, тут даже фотография его имеется. Это тот Семён, которого ты у соседки видела?

– Этот, он самый! – подтвердила Алёнка, когда смогла сфокусироваться на экране Маринкиного телефона.

– Вот и отлично! Итак, вы завтра едете к Валентине Кузьминичне, я на всякий случай организую адвоката и попытаюсь узнать девичью фамилию Веры Георгиевны. И еще, Алёнка, ты завтра во что бы то ни стало должна дозвониться до друга твоей соседки, в конце концов надо же оповестить человека о несчастье, произошедшем с его знакомой. А сейчас – по домам! – скомандовала Аська.

Глава 6. Валентина Кузьминична

На следующее утро Алёнка проснулась с тяжелой головой. Всю ночь ей снились бородастые мужики, гонящиеся за ней по улицам ночной Москвы и требующие бросить курить. Наспех накормив домашних завтраком и отправив старших с Василием в школу, Алёнка побежала отводить Сашку в сад. Настроение было на нуле. Голова гудела, на душе скребли кошки. Муж обиделся, он сам не пил и терпеть не мог, когда Алёнка приходила после своих посиделок с девочками сильно под мухой, и демонстративно молчал всё утро, да еще к этой Валентине ехать предстояло. Кто ее за язык тянул вчера с этим расследованием? Сашка как будто понимал состояние мамы и брел в сад притихший и печальный.

– Сань, ты-то чего хандришь? В садике что-то случилось?

– Да нет, мам. Я тут подумал, раз баба Вера умерла, то вы с папой тоже можете?

– Сань, ну когда-нибудь и я, и папа...

– А как же мы? Или нас как Тимоху кто-нибудь из соседей заберет?

– Сашка, ну ты чего? Ни я, ни папа пока не собираемся умирать. Надеюсь, мы доживем до глубокой старости, когда вы уже будете совсем большими.

– Да? Вы уж тогда постарайтесь рано не умирать, дайте нам вырасти, – глубокомысленно изрек заметно повеселевший малыш.

– Обещаю, что будем стараться, – впервые за всё утро улыбнулась Алёнка.

Отведя сына в сад, она решила и с Васькой помириться.

Она набрала номер мужа и как только услышала его голос, защебетала:

– Васенька, ты извини меня, видимо, стресс сказался, я, правда, лишь чуть-чуть, а оказалось вон чего. Я честное-пречестное больше так не буду.

– Да ладно уж, чего там, бывает, – проворчал муж, – но вечером будешь извиняться по полной, маленький алкоголик.

– Ага, извинюсь, еще как извинюсь, – проворковала Алёнка и про себя подумала, что надо сегодня на ужин что-то особенное приготовить.

Домой Алёнка возвращалась уже почти довольная жизнью. Она, как всегда, забежала в магазин и набрала кучу вкусностей для сегодняшнего ужина. У подъезда ее встречала Маринка.

– Ты где ходишь? – с ходу налетела она на подругу. – Я тут уже минут двадцать торчу, а телефон, почему не берешь? Опять не слышишь? И зачем он тебе только нужен?!

– А чего ты так рано приехала? – удивилась Алёнка.

– Как это, мы же на девять договаривались?

– Да? Хоть убей не помню!

– Еще бы, – захохотала Маринка.

– Вот что за несправедливость, пили вместе, а плохо одной мне, ты вон бодрячком, Аська тоже наверняка на все сто выглядит, а я чувствую себя как стоптанные тапки по акции. Ладно, пошли, кофе тебе сварю. Заодно позвоним Валентине Кузьминичне, вдруг она не может сегодня.

Уже дома налив Маринке собственноручно сваренный кофе, Алёнка набрала номер Валентины Кузьминичны.

– Да, Алёна, слушаю! – после первого гудка раздался бодрый голос старушки.

– Доброе утро. Я тут фотографию выбрала, когда к вам можно заехать? – проямлила Алёнка.

В душе она очень надеялась, что старушка не возьмет трубку или не сможет встретиться, почему-то ей ужасно не хотелось ехать, а сидящая на кухне бодрая и свежая Маринка сильно раздражала.

– Да хоть сейчас приезжай! Я всё равно дома целый день, – Валентина Кузьминична разрушила все надежды Алёнки.

– А ничего если я с подругой буду?

– Можешь всех своих подруг притащить. Жду! – И Валентина Кузьминична отключилась.

– Отлично! Давай, в душ, что ли, сходи, похожа черт знает на кого, – скомандовала Маринка, а я пока пакеты твои разберу.

– Раскомандовалась тоже мне, – проворчала Алёнка, но послушно поплелась в душ.

Когда она спустя пятнадцать минут вышла оттуда практически другим человеком, кухня сияла чистотой, продукты были разложены в холодильник, а купленное только что мясо замариновано.

– Я тут чуть-чуть похозяйничала у тебя. Ты же это мясо запечь хотела? Правильно я поняла? Что, Васька опять обиделся из-за вчерашнего?

– Маринка, я тебя обожаю! – промурлыкала Алёнка и повисла у подруги на шее.

– Да ладно тебе, мы же подруги. Беги, давай одевайся, а то неизвестно, сколько мы у старушки просидим, а нам же еще детей из школы забирать. Или ты опять свекровь хочешь попросить?

– Ой, нет! Ты что! Уже бегу. Кстати, там в пакетах должна была быть коробочка печенья бельгийского.

– Да я уже ее в отдельный пакет сложила, вместе с бутылкой вина, которую я купила, ты же это старушке решила подарить? Неудобно с пустыми руками ехать, это ты права.

За столько лет дружбы девчонки научились понимать друг друга с полуслова.

Когда они спустя полчаса подъехали к дому Валентины Кузьминичны, настроение у Алёнки было почти отличное. Старушка жила в сталинском доме, который летом наверняка утопал в зелени. Но сейчас, осенью, вокруг были лишь голые деревья, да огромное количество дворовых котов шныряли туда-сюда. Без труда найдя нужный им подъезд, подруги поднялись на четвертый этаж и позвонили в квартиру.

Им открыла тучная женщина в бархатном цветастом халате. Она мало отличалась от фотографии, которую до этого видела Алёнка. Копна рыжих волос была уложена в ту же самую высокую прическу. На шее поблескивала нитка жемчуга, в ушах сверкнули крупные рубины. Она не отличалась тонким вкусом, но производила весьма приятное впечатление.

– И кто из вас Алёнка? – пробасила Валентина Кузьминична.

– Это я, а это моя подруга Маринка, – представилась Алёнка.

– Проходите на кухню, не на пороге же стоять. – И Валентина Кузьминична поковыляла в сторону кухни. – Обувь только снимите, у меня тут паркет, а то взяли моду в уличной обуви шастать.

Девчонки переглянулись и поспешно разулись. Несмотря на свой возраст, собеседница производила впечатление человека, которому мало кто рискнул бы перечить.

Из длинного темного коридора девчонки попали на неожиданно большую и уютную кухню. На окнах висели кокетливые розовые занавесочки, на столе на скатерти с ручной вышивкой красовался самовар! Только мебель была хоть и добротная, дорогая, но совершенно не вяжущаяся с обстановкой и не подходящая самой хозяйке. Белые шкафчики были украшены позолоченными вензелями. Такие же вензеля были и на белом круглом столе с массивными выгнутыми ножками и на стульях обитых почему-то бордовым бархатом. На стенах были светлые обои в мелкую розочку, а на паркетном полу лежал светлый огромных размеров ковер с длинным ворсом, глядя на который Алёнка тут же представила, сколько сил требуется хозяйке квартиры, чтобы содержать его в чистоте. Чувствовалось, что у хозяйки этой квартиры были деньги, но вот со вкусом как-то не сложилось.

Девчонки достали привезенное угощение, и Валентина Кузьминична тут же выставила печенье на стол, где и без того уже стояли хрустальные вазочки с абрикосовым вареньем и с конфетами, тарелка с тонко нарезанным сыром и много чего еще.

– Самовар как раз закипел, сейчас чайку попьем, – безапелляционно заявила хозяйка.

– Откуда у вас такой раритет? – не удержалась Маринка глядя на самовар.

– Что, удивлены? Все удивляются, когда видят, – усмехнулась хозяйка. – Так и не смогла за всю жизнь избавиться от привычки пить чай из самовара. Мы в деревне всю жизнь из него пили, вот я его себе и забрала из родного дома. Сколько ему лет уж и не вспомню. А если еще шишки туда положить... вкуснее чая не найти. Все эти новомодные чайники бездушные, не то всё это. А еще в нем яйца варить можно. Да что мы всё про самовар, вы наверняка девушки занятые, а я к вам со своими старушечьими глупостями пристаю.

– Я вот фотографию Веры Георгиевны нашла, вы просили, – сказала Алёнка и протянула единственную распечатанную фотографию, которая у нее была.

Муж сфотографировал соседку, когда они вместе отмечали прошлый Новый год.

– Хорошая фотография, Верочка на ней настоящая, – прослезилась Валентина Кузьминична. – Расскажи-ка мне, как ее убили? А то по телефону я ничего не поняла.

Алёнка в очередной раз рассказала, что произошло в день убийства, но на этот раз без подробностей.

– Никогда бы не подумала, что она так закончит. Хотя она всегда была очень скрытной. Мы столько лет с ней дружили, а я про нее очень мало знаю.

– А что вы знаете? – подала голос молчавшая всё это время Маринка.

– Да что... познакомились мы с ней, когда она в Министерство культуры пришла. Я уже там работала. Она была по художественной части, отвечала за организацию выставок известных и малоизвестных художников, скульпторов и так далее. К тому моменту она уже была известным на всю Москву искусствоведом, а как она сама рисовала... слов нет. Я всегда ей говорила, мол, что ты всё других выставляешь, устрой свою выставку, все эти бездари тебе в подметки не годятся, но она лишь отмахивалась и смеялась. Сама я была по хозяйственной части, достать, привезти, обеспечить всем необходимым. Ох и тяжелая эта была работенка – найти что-то стоящее в стране, где всё было в дефиците.

Но не об этом сейчас. Вы же понимаете, что мы были абсолютно разные. Она утонченная интеллигентная образованная, а я деревенская девушка, как говорится, только от сохи, но мы сдружились. Добрая она была, беззащитная какая-то, ну а я бойкая боевая. Мне всегда ее защищать хотелось, и пару раз я ей по-настоящему помогла, там, где она молчала и боялась перечить, подключалась я, а голос у меня уже тогда был зычный, бывало, как начну отчитывать кого-то, руководство старалось на глаза не попадаться, не то что мелкие сошки.

А однажды, меня в растрате обвинили, не знаю, как уж так получилось, но выписала я для пошива флагов на Первомайские праздники двести метров красного шелка, оплатила, а привезли двадцать. Как уж там с бумагами произошло, кто ошибся, не знаю, может, специально кто-то подставить захотел, место-то у меня хлебное было, многим я мешалась. Вот тут-то ни моя громогласность, ни напор не помогли, светила мне колония строго режима, а уж насколько – одному Богу известно. Прибежала я к Вере вся в слезах, реву, слова сказать не могу. Отправила она меня восвояси тогда, а вечером пришла, принесла эти недостающие шестьсот тридцать рублей. Где она их взяла – ума ни приложу, по тем временам это были огромные деньги, месяцев пять работать нужно было и не кушать вовсе! Докупила я на них недостающие метры по три с половиной, обошлось всё.

– А вы потом никогда не интересовались, откуда у нее столько денег было? – спросила Алёнка.

– Спросила один раз, но она сказала как отрезала, чтобы я больше эту тему никогда не поднимала и не вздумала никому ничего болтать, и впервые в жизни так на меня зыркнула гла-

зищами своими, что я на всю оставшуюся жизнь зареклась еще раз об этом заикаться. Хотела я со временем долг ей отдать, но она не взяла ни копейки. Вот какая она была... – тут старушка не выдержала и заревела.

– Извините, а какая у нее девичья фамилия была? – спросила Маринка.

Валентина Кузьминична как по команде прекратила плакать, выудила из кармана своего пестрого халата носовой платок и громко отсморкалась.

– А я не знаю ее девичью фамилию.

– Как так? – хором удивились девчонки.

– Так она к нам, когда пришла, уже замужем была и фамилия у нее была по мужу Ковалева.

– Странно, а мне она не говорила о первом муже никогда, – в очередной раз удивилась Алёнка.

– Да, она за него замуж выскочила еще до прихода к нам. Уж не знаю зачем, любить-то она его никогда не любила. А потом этот Курочкин нарисовался. Тогда-то беда и разразилась.

Девчонки оживились и затаили дыхание, боясь пропустить что-то важное.

– Помню, когда она его первый раз увидела, даже преобразилась вся. Никогда за ней раньше такого не замечала. В его присутствии глаза ее еще больше блестели, на щеках румянец появлялся. Да что говорить, хорош он был. Высокий, волосы черные как смоль, подбородок волевой. По нему девки с ума сходили, да и он еще тот ходок был, ни одной юбки не пропускал.

Поняла я тогда, что хорошим это не кончится. Она замужем, а в то время к разводам и связям на стороне – не то что сейчас – строго относились. Выгнали бы из партии, и крест на карьере, считай, ставить можно было. Да как я ни отговаривала ее, как ни убеждала: и гуляющий он, и бедный как церковная мышь, ничего не помогало. Забеременела она, пришла ко мне, говорит, уйду от мужа, не могу с ним жить и обманывать его не могу, ребенок-то от Андрея. До сих пор себе простить не могу, что тогда вмешалась.

Но разлучила я их, не буду рассказывать как, но я искренне считала, что доброе дело делаю, Верочку спасаю. Но верно говорят, что благими намерениями дорога в ад вымощена. В итоге ни у кого жизнь не сложилась. Верочка тогда аборт сделала, да так больше никогда детей иметь и не смогла. Андрейка, видимо, сильно ее всё-таки любил, ошиблась я на его счет, не смог ни с кем жить по-человечески. Был один раз женат да неудачно, так всю жизнь бобылем и прокуковал. От мужа Вера всё равно потом ушла, а со мной общаться перестала на долгие годы. Вот только пару лет назад увидела ее в интернете этом, да написала ей, покаялась. Она хоть и говорила, что давно меня простила, но чувствовала я, что держит еще на меня обиду.

– А можете рассказать, что же вы сделали такого? Как разлучили их? – полюбопытствовала Маринка.

– Ой, девочки, не пытайте даже, стыдно мне, крест этот до конца дней нести буду и в могилу с собой унесу. Противно и вспоминать... молодая я была, дурная. Знала бы наперед, как всё обернется...

Валентина Кузьминична опять горько заплакала. Девчонки сидели растерянные и не знали, как ее успокоить.

– Извините, что вспомнить вас всё это заставили, – пролепетала Алёнка.

– Да ладно, чего уж там.

– Вы, говорите, ни у кого жизнь не сложилась удачно, а у вас? – пытаюсь отвлечь старушку от грустных воспоминаний, спросила Маринка.

– У меня? Вот у меня как раз неплохо сложилась. После того, как мы с Верочкой общаться-то перестали, я замуж вышла. Года три, наверное, с нашей ссоры прошло. Встретила ее как-то в министерстве, я уже беременная была прилично, а всё равно носилась, крутилась. Она меня увидела, как будто ее водой ледяной окатили. Подошла, поздоровалась, спросила разрешения живот погладить. Тут-то она мне на эмоциях и рассказала, что по глупости аборт

тогда сделала. Упала я перед ней на колени, прощения просила. Да сделанного не вернешь. А я потом родила прекрасную дочку, с работы ушла, муж хорошо нас обеспечивал. Вот пару лет назад только похоронила его. Дочь умница, красавица, внуков двое. Хотите фотографии покажу?

– Конечно, – тактично закивали подруги, чтобы как-то подбодрить того и гляди готовую снова заплакать женщину.

Валентина Кузьминична торопливо поднялась со стула и выудила из верхнего шкафчика объемный фотоальбом. Девчонки заметно приуныли, предвкушая долгое любование чужой жизнью, но старушка, видимо, поняв их настроение, достала одну фотографию, с которой на девушек смотрели мальчик одиннадцати лет и девчушка пяти-шести. Оба смугленькие черноглазые, с улыбками от уха до уха.

– Вот, гордость моя. Живут недалеко, часто приезжают, не бросают бабушку. После смерти мужа дочка хотела к себе забрать, у них дом огромный, но я не могу. Там я себя лишней чувствую, а тут я сама себе хозяйка, знакомые опять-таки все. Пока могу сама передвигаться и сама себя обслуживать – отсюда ни ногой, а там видно будет.

– А фотографий с Верой Георгиевной у вас случайно нет? – зачем-то спросила Алёнка.

– Были когда-то, но в 1992 году у нас в квартире пожар случился, все и сгорели. Ничего не осталось. Ой, что-то девчат заболтала я вас, а самое-то главное не сказала. Организовала я похороны и поминки. Хоронить будем послезавтра в десять утра на Новодевичьем кладбище, там же, как я узнала, и муж ее похоронен. А поминки будем там недалеко отмечать. В ресторане «Цыцыла». Народу немного будет, человек семьдесят-восемьдесят.

– Ничего себе размах. Это же дорого очень! Да и на Новодевичьем же не хоронят уже давно, если не ошибаюсь, – опешила Алёнка.

Она никак не ожидала, что похороны одинокой старушки будут проходить с таким размахом.

– Ты за деньги не переживай. Ей как заслуженному деятелю искусств от министерства полагается. Да и муж у нее не последний человек был. Их очень многие до сих пор там помнят и теплым словом вспоминают. На поминках заслушаешься, что про нее говорить будут.

– Кстати, про ее знакомых... вы случайно не знаете некоего Семёна Лаптева? Дело в том, что я знаю, что они дружили, хотела его предупредить... Но у меня нет его телефона, а в контору ему звоню, он почему-то не перезванивает.

– Ты не волнуйся, я ему первому позвонила, как новости такие узнала...

– Тогда до воскресенья, – сказала Алёнка, посмотрев на часы. – Вы извините, действительно мы у вас засиделись, а нам еще детей из школы забирать. Побежали мы. Спасибо за всё большое.

– Да и вам спасибо, что выслушали.

Уже на пороге Алёнка спросила:

– Валентина Кузьминична, а вы не помните, у Веры Георгиевны мундштук был, когда вы работали вместе?

– А как же, запоминающаяся вещица, она с ним не расставалась никогда. Красивый такой, изящный, как она сама. Я ее долго пыталась, где она такую редкость достать умудрилась. Сказала только, что очень дорогой ей человек его сделал на память. А что за человек, она никогда не уточняла.

– Да уж, загадочная она была всё-таки, – подвела итог Маринка.

Выйдя на улицу, Алёнка с облегчением закурила.

– Фу, когда же ты эту дрянь бросишь?! – как всегда, начала поучать подругу Маринка. – Это же вредно, а у тебя трое детей. Какой ты им пример подаешь? Да и для цвета кожи тоже ничего хорошего. В нашем возрасте и так сложно выглядеть по-человечески, а ты еще сама себе вредишь.

– Марин, ну чего ты завелась-то опять? И вообще, нервничать вреднее, а если я не курю, то я ужас какая нервная и вредная, я, можно сказать, об окружающих пекусь, берегу их нервную систему, так сказать. Ты мне лучше знаешь что скажи, вот что мы узнали? Мне кажется, мы еще больше запутались после всех этих рассказов. Первый муж, скульптор, аборт этот. А к разгадке ни на миллиметр не приблизились.

– Да уж, – вздохнула Маринка, – может Аська чего нарыла? Давай ей наберем и всё расскажем, только пошли в машину, а то я вся продрогла тут с тобой на ветру стоять. И брось ты эту гадость, в своей машине курить не дам, так и знай.

Сев в машину, девчонки позвонили Аське и рассказали всё, что удалось узнать.

– Прямо скажем, не густо. Толку-то от вашей поездки, – подвела итог подруга.

– А сама-то узнала чего? – обиделись девчонки.

– Ага, адвоката нашла тебе. Сейчас скину координаты. Скажешь, что от меня. Он в курсе. А еще знакомкой в МФЦ позвонила. Она пробила по базе и то же самое мне сказала, что до того, как стать Асадчей она состояла в браке с Ковалевым Романом Викторовичем, который умер в 1990 году. А вот кем она была до первого брака науке неизвестно, так как все более ранние данные хранятся в архивах в бумажном виде. Но фиг нас кто туда пустит.

– М-да, дело ясное, что дело тёмное, – вздохнула Алёнка.

– Да ладно, не вешай нос. Ты же на похороны пойдешь?– спросила Аська.

– Пойду, но я лишь на кладбище и домой.

– А вот это ты зря. Иди на поминки и пообщайся там с народом. Может, кто чего вспомнит или проболтается. Да и с Семёном неплохо было бы поговорить. Ты ему не звонила?

– Звонила пару раз, нарвалась на секретаря, просила передать, чтобы перезвонил, но... тишина. Но Валентина Кузьминична сказала, что она его уже предупредила, так что одной проблемой меньше. И знаешь, вот так всегда, все нормальные люди на поминки ходят усопшему дань уважения отдать, а у меня вечно всё через одно место.

– Всё, хорош хандрить. Всем пока, у меня тут совещание, вообще-то, а я с вами болтаю, – с этими словами Аська отключилась.

Маринка довезла Алёнку до школы, где они забрали двойняшек и все дружно порулили в сторону Алёнкиного дома.

– Марин, может, зайдешь, я тебя хоть обедом накормлю, – предложила Алёнка, – да переписку вместе почитаем, я никак не могу себя заставить покопаться в ней, сразу реветь хочется.

– Нет, ты меня извини, но я и так полдня где-то шатаюсь, дома своя банда сидит, на маму брошенная, а у младшего опять сопли с кашлем, не мать, а кукушка, честное слово. Так что давай сама.

Алёнка с детьми вошли в квартиру, где их встретил недовольный зверинец. Плюха ходила и злобно мяукала, хозяйка опять забыла положить ей ее любимый корм с утра, а Тимоха восторженно лаял и кидался в ноги. Раньше он практически никогда не оставался один, и новое положение дел его, мягко сказать, не устраивало.

– Ну что ты, мой маленький, не погуляли с тобой с утра, да? Сейчас я тебе вкусняшку дам, и горшок поменяю, – начала сюсюкать со шпичем Маруська.

– Мам, вот скажи мне, какой толк от такой собаки? – глубокомысленно изрек Данька, – охранник из нее никакой, защитник тоже так себе, только воздух сотрясает.

– Дань, не обязательно от всех толк должен быть, мы же можем кого-то любить не за то, что он пользу приносит, а просто так. Ты посмотри, как он нас любит, как в нас нуждается.

– Нет, мам, все должны пользу приносить. Вот у меня будет овчарка, когда-нибудь обязательно, она будет дом охранять и нас всех защищать. А эта козьявка не смогла хозяйку защитить, – грустно подвел итог своим рассуждениям сын.

Алёнка не успела ничего возразить, как из коридора донесся удивленный вскрик Маруськи.

– Ой, мама, что это?

Алёнка подбежала к дочери и увидела в собачьем лотке среди наполнителя пропавший мундштук соседки.

– Марусенька, это откуда? – пролепетала Алёнка.

– Да я стала наполнитель Тимохе менять, он из пакета и выпал. Мам, это же... бабушки Веры... да? Как он сюда попал?

– Не знаю, Машка, ой не знаю.

Вечером, когда дети уже спали, Алёнка решила всё рассказать мужу.

– Странные вещи у нас творятся, – глубокомысленно изрек Василий, – надо, наверное, это в полицию отнести.

– Спиркину? Да ни за что, он же тут же меня в кутузку и посадит.

– А если он обыск устроит? И найдет у нас дома пропавшую вещь? Не посадит?

– Вась, ну какой обыск? Ты чего?

– Какой? Такой! Ты сама говорила, что ты у них на подозрении... мало ли что ему в башку втемяшится, – не унимался муж.

– Ну ладно, я завтра с Аськиным адвокатом проконсультируюсь.

– Обещаешь?

– Честно-честно!

– Хорошо. А теперь давай-ка спать.

Глава 7. Поминки

Утро воскресенья выдалось на редкость для начала ноября солнечным. Алёнка за всю предыдущую ночь так и не сомкнула глаз. Предстоящие похороны Веры Георгиевны не давали уснуть. В голове вертелась куча вопросов, ответов на которые она, как ни пыталась, найти не могла. Только под утро она забылась тревожным сном, но тут зазвенел бездушный будильник. Плюха уютно спала у нее в ногах и даже ухом не повела, когда хозяйка вылезла из-под одеяла. Алёнка, как всегда, заварила себе чай и вышла на балкон.

Вчера она долго обсуждала с девчонками, что всё-таки делать с этим мундштуком. Маринка склонялась, что Василий прав, и мундштук надо отдать Спиркину, честно всё рассказал. Аська же наоборот отговаривала, называя эту затею, мягко говоря, глупой.

– Ты сама подумай, – кричала она в трубку. – Не просто так соседка засунула его в наполнитель. Кому еще, кроме тебя, он мог понадобиться? Ты же единственная, кто в случае чего Тимоху себе забрала бы. Вот и держи его у себя, пока мы не выясним, чем он ей так ценен был.

Допив чай и докурив, Алёнка поплелась в душ. Стоя под струями горячей воды, она мысленно составляла план действий на сегодня. Еще вчера подруги обговорили, что именно она должна узнать у бывших сослуживцев соседки. Первое и самое главное, попытаться разузнать о потенциальных родственниках. Что там за сестра загадочная была, и куда она делась? Кроме того, неплохо было бы узнать что-то про ее покойного мужа. Поиск в интернете мало чего дал. Вдруг у него была жена, от которой он ушел к Вере Георгиевне, или дети незаконнорожденные имелись. Мало ли кто-то из них решил, что ему срочно нужна жилплощадь, которую старушка не по праву занимала. Ну и, естественно, разузнать об этом загадочном Курочкине.

Выйдя из душа, Алёнка на скорую руку приготовила завтрак домашним и критическим взглядом обвела квартиру. Сегодня приедет свекровь, чтобы посидеть с детьми, пока она с Василием будет на похоронах, поэтому в квартире должен быть идеальный порядок, иначе не избежать Алёнке очередных нравоучений.

Но сколько они вчера все дружно ни пытались придать жилищу более-менее приличный вид, наутро в квартире каким-то чудесным образом воцарился ставший уже привычным хаос. Тяжело вздохнув и заранее представляя, какие колкости ее ожидают вечером, Алёнка пошла будить домочадцев.

За завтраком было непривычно тихо. Дети сидели понурые. Вчера для них было неприятным открытием то, что родители решили ехать на похороны без них. Никакие уговоры и здравые доводы не помогали, они тоже хотели попрощаться с бабушкой Верой и расценивали поступок родителей как предательство. Василий старался как-то сгладить обстановку, пытался шутить и всячески развеселить детей, но и он быстро сдался. Алёнке же кусок в горло не лез, она сидела погруженная в свои мысли, и казалось, совсем не замечала ничего вокруг. Даже извечно жизнерадостный Тимоха грустил, он лежал в углу кухни, демонстративно отвернувшись ко всем спиной и тихонько поскуливал. Еще никто и никогда не видел его таким притихим.

– Всё, я иду одеваться! – не выдержала Алёнка.

Она здраво рассудила, что краситься сегодня это лишняя трата сил и времени, зная себя, она понимала, что начнет реветь, как только приедет на кладбище, если не раньше. Но при этом ей предстояло расположить к себе огромное количество незнакомых людей, поэтому выглядеть надо было достойно. Еще вчера она остановила свой выбор на узких черных брючках и черной шелковой блузке, но вот что делать с волосами она так и не придумала. Попробовала собрать непослушную гриву в высокий хвост, но тогда образ получался слишком мрачным. Пришлось попытаться сделать на голове что-то наподобие укладки и молиться, чтобы вся эта красота дожила до ресторана. Выйдя из ванны в полной боевой готовности, она с приятным удивлением

увидела, что муж уже успел собраться. Еще вчера после долгих уговоров он согласился надеть рубашку и ненавистный строгий костюм, вместо привычных джинсов с джемпером. Алёнка невольно залюбовалась Василием.

– Зайк, почему чтобы ты оделся как человек, кому-то надо умереть? Тебе же так идет! – промурлыкала она, прижимаясь к мужу и вдыхая его любимый одеколон.

– Даже не начинай, ты же знаешь, что я чувствую себя во всем этом как школьник на выпускном, – проворчал муж.

– Может, еще галстук? – робко предложила Алёнка.

– Ну уж дудки! И вообще, не прижимайся ко мне так, иначе мы точно опоздаем, – сказал Василий и поцеловал Алёнку в шею.

Она впервые за утро улыбнулась, как ни крути, а муж в любой ситуации мог поднять ей настроение и придать сил.

– Всё-таки мы с тобой хорошо смотримся, – заметила она, глядя на их отражение в зеркале.

– Ты так точно вне конкуренции, – улыбнулся муж. – Давай, пойдем уже! А то точно опоздаем. А вот и мама приехала.

В этот момент как раз раздался звонок домофона и Василий, неохотно оторвавшись от Алёнки, пошел открывать дверь.

В квартиру вплыла Клара Максимовна. Обведя взглядом Алёнку, прыгающую на одной ноге и пытающуюся влезть в узкие ботинки на десятисантиметровом каблуке, она безапелляционно заявила:

– Кто в здравом уме такую обувь надевает? Надо пойти в чём-то попроще, в кроссовках, например!

Алёнка сочла за лучшее промолчать.

– Чем кормить детей? – не унималась свекровь.

– Там в холодильнике рассольник, – выдала заранее заготовленную фразу Алёнка. – А если захотят что-то перекусить, можно сделать бутерброды или творожок есть.

– Бутерброды? – бровь свекрови стремительно поднялась вверх. – Хм, а на ужин?

– До ужина мы успеем вернуться, – ответила Алёнка, натягивая пальто и стараясь как можно более незаметно просочиться мимо свекрови.

– Алён, ты шутишь, что ли? На улице минус пять, а ты собралась пальто надевать?! – возмутился Василий. – Быстро нацепила пуховик и никаких возражений!

В этом был весь ее муж, ему было плевать, как она выглядит, главное – здоровье. Посмотрев на Василия, Алёнка поняла, что спорить бесполезно, и безропотно натянула на себя теплый, но такой неказистый пуховик.

Наскоро чмокнув всё еще дующихся детей, чета Вороновых покинула квартиру.

До кладбища они доехали довольно быстро, и Алёнка даже ни разу не разревелась. Выйдя из машины, она еще издали услышала зычный голос Валентины Кузьминичны, которая приехала раньше их и уже всю команду постепенно прибывающим народом.

– Добрый день, Валентина Кузьминична, знакомьтесь, это мой муж, Василий.

– Здравствуй, Алёнушка, – поприветствовала ее в ответ старушка. – Очень приятно познакомиться, Василий, жаль, что при таких обстоятельствах. – И не дожидаясь ответа, она принялась подробно объяснять, где находится место для захоронения Веры Георгиевны.

Алёнка шла по дорожкам кладбища, крепко вцепившись в руку мужа, и исподволь рассматривала людей, которые, судя по всему, двигались в том же направлении, что и они. В большинстве своем это были ровесники соседки, многие из которых шли под руку со своими то ли детьми, то ли внуками, а кого-то даже сопровождала охрана. Присутствующая тут публика была довольна солидной. Многие женщины, несмотря на относительно теплую для ноября

погоду, были одеты в меха, причем по меркам Алёнки очень хорошего качества, а в ушах и на руках сверкала явно не бижутерия.

– Ты, кстати, заметила, на чём народ сюда понаехал? Перед воротами такой автопарк собрался... мама дорогая, – как будто прочитав ее мысли, прошептал ей на ухо Василий.

– Вот видишь, а ты меня пуховик заставил нацепить, чувствую себя бедной родственницей, – прошипела Алёнка.

– Ну да, было бы лучше, если бы ты расфуфырилась, а потом неделю с температурой лежала, молчи уж, всё равно ты тут всем фору дашь даже без бриллиантов и мехов, – миролюбиво закончил муж.

– Уж польстил так польстил, ничего не скажешь, приятно осознавать, что я еще котируюсь среди тех, кому далеко за шестьдесят, – пробурчала Алёнка.

Она изо всех сил старалась держаться и думать о чём угодно, но только не о том, что их ожидало впереди.

Беззлобно переругиваясь, ребята поравнялись с тучной женщиной, которая ярким пятном выделялась на фоне толпы. Она медленно брела по кладбищу в гордом одиночестве, опираясь на зонтик в форме трости. На вид ей можно было дать лет шестьдесят пять-семьдесят. Одета она была в плащ яркого канареечного цвета, на голове была малиновая шляпка, а в руках она держала меховую синюю сумочку. Рассмотрев мадам вблизи, Алёнка обалдела.

Она время от времени листала гляцевые журналы и сейчас на глазок прикинула, что облачение незнакомки тянет тысяч так на четыреста-пятьсот: одни ботинки по самым скромным меркам стоили порядка ста восьмидесяти тысяч, а плащ, между прочим, новинка этого сезона от одного известного всем производителя и того дороже. При всём при том выглядела женщина не стильно и дорого, а самым наинелепейшим образом.

– Вы меня извините, никак не соображу, в том ли направлении я двигаюсь, – обратилась незнакомка к Алёнке с едва различимым акцентом.

– Вы же Элеонора? Извините, отчество забыла. Давайте мы вас проводим. Мы тоже идем с Верой Георгиевной попрощаться. Я Алёнка, а это мой муж Василий, мы соседями были с покойной, – представилась Алёнка.

– Буду вам премного благодарна, – с этими словами она с огромным облегчением повисла на руке Василия, Алёнка же взяла ее под другую руку.

– Алёнушка, Васенька, я себе так вас и представляла, Верочка много про вас рассказывала. Я Элеонора Ивановна, хотя чего уж там, зовите меня просто Элеонора, – представилась незнакомка.

Даже имя отчество у нее было ей под стать такое же несуразное.

– Я вас сразу узнала, Вера Георгиевна очень много о вас рассказывала. Про то, как вы работали вместе.

– Ой, детка, сказать, что работали, это ничего не сказать. Я ей всем обязана. Это она меня из нищей, никому не известной художницы, сделала знаменитостью. Это с ее легкой руки после моей первой выставки, которую она чуть ли ни с боем уговорила меня провести, обо мне заговорили. Сначала тут, на родине, а потом уже во всём мире. Вы наверняка обо мне слышали. Моя фамилия Рудковская.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.